
Лиссбет Котцова
ИЗМЕНА
НЕ ТВОЙ
СЫН

Лиссбет Котцова

Измена. Не твой сын

«Литнет»
2026

Котцова Л.

Измена. Не твой сын / Л. Котцова — «Литнет», 2026

В день пятнадцатой годовщины брака Анна должна была принимать поздравления, улыбаться гостям и верить, что ее семья выдержала всё.Но праздник превращается в публичный кошмар, когда в зал входит незнакомая женщина с семилетним мальчиком и произносит фразу, после которой рушится не только брак, но и вся прежняя жизнь:“Это Тимур. Сын Марка.”Семь лет лжи. Семь лет второй семьи. Семь лет, в которых Анна была женой, пока другая женщина ждала обещанного развода.Анна готова ненавидеть мужа. Готова подать на развод. Готова стереть из жизни всё, что связано с предательством.Но как ненавидеть ребенка, который сам оказался заложником взрослых грехов?Тимур — не ее сын. Но он смотрит на нее так, будто она последняя, кто может его защитить.А когда мать мальчика исчезает, Анна понимает: измена Марка была только началом. За красивой семейной картинкой скрывается тайна куда страшнее. И теперь ей придется выбрать — мстить за себя или спасти ребенка, появление которого разрушило ее мир.❤#2 часть книги уже вышла "ИЗМЕНА. ДЕТИ БЕЗ ИМЁН"❤#

© Котцова Л., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Пятнадцать лет 5
Глава 2. Идеальная семья 12
Глава 3. Третий ребенок 20
Глава 4. Не сейчас 27
Глава 5. Домой 35
Глава 6. Из старых сообщений 42
Глава 7. Авария 51
Глава 8. Нет 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Глава 1. Пятнадцать лет

Анна всегда знала: чем красивее накрыт стол, тем больше под ним спрятано.

Эта мысль пришла ей в голову внезапно — не утром, когда она стояла босиком посреди спальни и выбирала между двумя платьями, не днем, когда флористы прислали фотографию композиций из белых роз и эвкалипта, и даже не в тот момент, когда младший сын Лев уронил на выглаженную рубашку ложку клубничного йогурта.

Мысль пришла вечером, уже в ресторане.

Анна стояла у зеркальной стены банкетного зала и смотрела на отражение своей семьи.

Пятнадцать лет брака.

На столах — тонкие свечи, бокалы, белые салфетки, тяжелые приборы, карточки с именами гостей. У входа — арка из цветов. Возле окна — столик с фотографиями: Анна и Марк в день свадьбы; Анна с животом, когда ждала Соню; Марк, держащий крошечного Льва; их семейная поездка к морю, где все четверо смеялись так искренне, будто счастье можно было поймать на снимке и больше никогда не потерять.

Гости говорили, что зал прекрасный.

Свекровь, Вера Павловна, сказала, что цветов слишком много.

Мать Анны расплакалась еще до первого тоста.

Марк поцеловал жену в висок и шепнул:

— Ты всё сделала идеально.

Именно это слово и испортило Анне настроение.

Идеально.

Слишком гладко. Слишком красиво. Слишком как в чужом аккаунте, где никто не ссорится утром из-за денег, не молчит в машине, не спит спиной друг к другу, не произносит “потом поговорим” вместо “прости”.

Анна улыбнулась отражению. Женщина в зеркале улыбнулась ей в ответ — спокойная, ухоженная, в темно-синем платье, которое открывало ключицы и скрывало усталость. Волосы собраны низко, серьги длинные, помада чуть ярче обычного.

Хорошая жена.

Достойная мать.

Женщина, у которой всё получилось.

— Мам, а можно я пересяду к Кате? — спросила Соня, появившись рядом.

Четырнадцатилетняя дочь уже успела снять с волос заколку, которую Анна утром закрепляла почти десять минут, и теперь ее темные волосы свободно падали на плечи. На губах — тот самый подростковый изгиб, в котором одновременно жили скука, раздражение и тайная просьба: “Заметь меня, но не трогай”.

— Катя сидит через два стола, — сказала Анна. — Мы договаривались, что первые тосты ты сидишь с семьей.

— Мам, ну это же не свадьба.

— Верно. Это наша годовщина.

— Именно. Ваша.

Анна посмотрела на дочь. Соня выдержала взгляд, но первой отвела глаза.

— Первые тосты, — повторила Анна мягче. — Потом пересядешь.

— Как скажешь.

Соня ушла, даже не пытаясь скрыть, что считает мать несправедливой.

Анна проводила ее взглядом. В последние месяцы дочь стала для нее почти незнакомкой: резкой, молчаливой, непредсказуемой. Иногда Анне казалось, что Соня смотрит на них с Марком так, будто уже вынесла приговор, просто еще не решила, когда его зачитать.

У фуршетного стола Лев пытался утащить вторую тарталетку с красной рыбой. Марк наклонился к нему, что-то сказал, и мальчик рассмеялся. Марк умел так. Одним движением, одной фразой вернуть детям свет. Он был из тех отцов, которых любят не за расписание кружков и оплаченные счета, а за внезапные походы в кино, секретные пиццы по дороге домой и умение превратить обычный вечер в праздник.

Анна отвечала за то, чтобы форма была выстирана, зубы вылечены, домашнее задание сделано, отпуск забронирован, бабушке куплены лекарства, а в холодильнике было не пусто.

Марк отвечал за счастье.

Это было несправедливо, но удобно. Для всех, кроме нее.

— Ты опять считаешь гостей? — раздался за спиной голос Марка.

Анна обернулась.

Марк стоял с двумя бокалами шампанского. Черный костюм сидел на нем так, будто был частью его тела. Сорок два года, легкая седина у висков, уверенная улыбка человека, которому привыкли верить. Женщины всегда задерживали на нем взгляд чуть дольше, чем следовало. Анна давно научилась не замечать.

Он протянул ей бокал.

— Я не считаю гостей.

— Тогда что?

— Проверяю, все ли на месте.

— Все на месте, — сказал Марк и коснулся ее локтя. — Кроме тебя.

— Я здесь.

— Нет. Ты где-то в своем штабе управления катастрофами.

Анна усмехнулась.

— А у нас катастрофа?

— У нас годовщина. Расслабься хотя бы сегодня.

Хотя бы сегодня.

Она хотела ответить что-то легкое, но не успела. Телефон Марка коротко завибрировал в его руке.

Он посмотрел на экран.

Всего секунда. Может быть, меньше.

Но Анна увидела, как изменилось его лицо.

Не сильно. Марк умел владеть собой. Улыбка осталась, плечи не напряглись, бокал не дрогнул. И все-таки в нем что-то выключилось. Будто человек, который только что стоял рядом с ней, на мгновение исчез, а вместо него появился другой — собранный, настороженный, чужой.

— Работа? — спросила Анна.

— Да, — слишком быстро ответил он. — Один поставщик. Ничего важного.

— В день нашей годовщины?

— У людей нет чувства такта.

Он убрал телефон в карман. Не на стол, не экраном вниз рядом с тарелкой, как обычно. Именно в карман.

Анна заметила.

За пятнадцать лет брака женщина учится замечать не то, что мужчина делает, а то, что он меняет.

— Всё нормально? — спросила она.

— Конечно.

Он улыбнулся и наклонился, чтобы поцеловать ее. Губы коснулись щеки, но мысли его были уже не здесь.

Анна хотела спросить еще. Не потому, что подозревала, а потому, что почувствовала холодок — тонкий, почти нелепый, как сквозняк в закрытой комнате. Но в этот момент к ним подошла Вера Павловна.

— Анна, официанты опять перепутали рассадку у дальнего стола, — сказала свекровь. — Я же говорила, что надо было самой всё проверить.

Анна повернулась к ней.

Вера Павловна была маленькой сухой женщиной с идеально уложенными волосами и лицом, на котором одобрение появлялось так редко, что его можно было считать семейной реликвией. В свои шестьдесят семь она носила жемчуг, прямую спину и уверенность, что все вокруг живут недостаточно правильно.

— Я сейчас посмотрю, — сказала Анна.

— Не сейчас, а сразу надо было смотреть.

Марк сделал вид, что не слышит. Он уже говорил с кем-то из партнеров у бара.

Анна пошла к дальнему столу.

Рассадка, конечно, была не перепутана. Один из гостей просто сам пересел поближе к окну. Анна улыбнулась, извинилась, попросила администратора принести дополнительный стул. Всё решилось за полторы минуты.

Когда она вернулась, Марк стоял у выхода из зала и говорил по телефону.

Не громко. Даже слишком тихо.

Анна остановилась.

Она не собиралась подслушивать. Это было бы унизительно. Но в браке бывают секунды, когда человек еще не знает, что сейчас перейдет границу, за которой прежняя жизнь закончится.

Марк стоял к ней вполоборота. Одной рукой прикрывал телефон, другой массировал переносицу.

— Не надо сюда ехать, — произнес он. — Я сказал, не сегодня.

Пауза.

— Послушай меня. Это не разговор для…

Он оборвал фразу и резко оглянулся.

Анна не успела сделать вид, что шла мимо.

Их взгляды встретились.

На лице Марка мелькнуло что-то похожее на испуг. Потом он сразу улыбнулся — той самой улыбкой, которой открывал двери, получал выгодные контракты, успокаивал детей и женщин.

— Перезвоню, — сказал он в трубку и убрал телефон.

— Поставщик? — спросила Анна.

— Что?

— Ты сказал, поставщик.

— Да. Сложный человек.

— И он собирался сюда ехать?

Марк на секунду замолчал.

Секунда была слишком длинной.

— Анна, давай не будем, — сказал он наконец. — Сегодня наш вечер.

Она смотрела на него и вдруг отчетливо поняла: он просит ее не о доверии. Он просит ее о молчании.

Как часто он просил об этом раньше, не произнося прямо?

Когда приходил поздно и говорил, что устал.

Когда выходил из комнаты, чтобы ответить на звонок.

Когда вдруг начал ставить пароль на телефон, хотя всегда смеялся над чужой ревностью.

Когда стал дарить ей цветы без повода — слишком красивые, слишком дорогие, слишком вовремя.

Анна почувствовала, как внутри медленно поднимается что-то неприятное. Не ярость. Не страх. Скорее стыд. Стыд за то, что она, возможно, давно знала, но предпочитала не знать.

— Анна, — Марк взял ее за руку. — Посмотри на меня.

Она посмотрела.

— Всё хорошо, — сказал он.

И в этот момент зазвучала музыка.

Ведущая, слишком веселая девушка в шелковом платье, пригласила гостей занять места. Начинались тосты. Анна автоматически улыбнулась, позволила Марку провести себя к главному столу, села рядом с ним, поправила салфетку на коленях.

Гости хлопали. Кто-то кричал: “Горько!” Вера Павловна недовольно поджала губы. Мать Анны снова достала платок.

Первым говорил старый друг Марка, потом Аннина сестра, потом коллега. Все произносили правильные слова: “пример семьи”, “пятнадцать лет вместе”, “двое прекрасных детей”, “любовь, проверенная временем”.

Анна слушала и думала, что любовь, проверенная временем, иногда просто становится привычкой не задавать вопросов.

Марк сидел рядом. Его колено касалось ее колена. Время от времени он накрывал ее руку своей, и со стороны это, наверное, выглядело нежно.

Телефон в его кармане снова завибрировал.

Анна почувствовала вибрацию через его тело.

Марк не достал телефон. Только сжал ее пальцы чуть сильнее.

— Не ответишь? — тихо спросила она.

— Нет.

— Вдруг поставщик уже у входа?

Он повернул к ней лицо.

— Анна.

В его голосе было предупреждение.

Она улыбнулась. Не ему — гостям, фотографу, залу, этой идеально выстроенной декорации.

Ведущая объявила:

— А сейчас слово нашим виновникам торжества! Марк, Анна, пятнадцать лет — это целая жизнь. Поделитесь секретом вашей семьи.

Гости зааплодировали.

Марк встал первым. Легко, красиво, уверенно. Взял микрофон. Посмотрел на Анну так, будто любил ее именно в эту секунду. Возможно, даже любил. Анна давно подозревала, что человек способен любить и предавать одновременно, просто одно не отменяет другого.

— Я не знаю, есть ли у нас секрет, — начал Марк. — Наверное, секрет в том, что Анна всегда была мудрее меня.

Гости умиленно засмеялись.

Анна подняла глаза.

Марк продолжил:

— Она умеет сохранять дом. Умеет быть сильной, когда я…

Он запнулся.

Не потому, что забыл слова.

Потому что посмотрел в сторону входа.

Анна тоже повернула голову.

У дверей банкетного зала стояла женщина.

Без верхней одежды, в светлом платье, слишком простом для этого ресторана. Волосы распущены, лицо бледное, будто она долго шла по холоду, хотя на улице был теплый сентябрьский вечер. В одной руке она держала маленькую сумку. Другой — крепко сжимала ладонь мальчика.

Мальчику было лет семь.

На нем была синяя рубашка, застегнутая не на ту пуговицу, и темные брюки, чуть короткие внизу. Он держался прямо, но глаза у него были испуганные. Большие, серые.

Как у Марка.

В зале стало тише не сразу. Сначала люди просто начали оборачиваться. Потом стих один стол, второй, третий. Музыка продолжала играть, но уже казалась неуместной.

Марк замолчал.

Микрофон уловил его дыхание — короткое, тяжелое.

Анна смотрела на женщину и понимала, что видит ее впервые. И одновременно — будто видела много раз. В паузах мужа. В его поздних звонках. В случайных подарках. В тех вечерах, когда он возвращался домой слишком добрым.

Женщина сделала шаг вперед.

Мальчик не хотел идти, но она мягко потянула его за собой.

Вера Павловна резко поднялась со стула.

— Марк, — произнесла она тихо, но Анна услышала.

Не “кто это?”.

Не “что происходит?”.

А именно: “Марк”.

Анна медленно повернулась к мужу.

Он стоял с микрофоном в руке, белый как скатерть.

Женщина подошла ближе. Теперь Анна видела, что у нее дрожат губы. Но взгляд был твердый. Отчаянный, измученный и твердый.

— Лина, — выдохнул Марк. — Не надо.

Имя ударило сильнее, чем если бы он закричал.

Значит, он ее знает.

Конечно, знает.

Мальчик поднял голову и посмотрел на Марка.

Так дети смотрят на взрослых, от которых ждут защиты.

— Не надо? — переспросила женщина. — Семь лет ты говоришь мне “не надо”.

Кто-то из гостей ахнул. Соня медленно встала из-за стола. Лев перестал жевать и смотрел то на отца, то на мальчика.

Анна не двигалась.

Она вдруг почувствовала странное спокойствие. Словно внутри нее отключили звук.

Лина повернулась к ней.

— Вы Анна?

Глупый вопрос. Конечно, она знала.

Анна кивнула.

Марк шагнул вперед.

— Лина, мы поговорим снаружи.

— Нет, — сказала Лина. — Сегодня я уже достаточно стояла снаружи.

Она подвела мальчика ближе. Тот попытался спрятаться за ее руку.

— Поздравляю вас с годовщиной, — сказала Лина.

Ее голос сорвался, но она продолжила:

— Пятнадцать лет — это много. А семь лет — тоже срок.

Анна смотрела на мальчика.

Синие манжеты. Неровная пуговица. Серые глаза. Маленькая родинка у виска — такая же, как у Льва.

Нет, подумала Анна.

Нет.

Есть секунды, в которых разум еще сопротивляется, хотя тело уже всё поняло.

Марк сказал:

— Анна, послушай меня.

Она не посмотрела на него.

Лина сделала последний шаг и остановилась почти у самого главного стола.

— Это Тимур, — сказала она. — Сын Марка.

В зале кто-то уронил бокал.

Звук разбитого стекла оказался удивительно красивым. Чистым, звонким, почти праздничным.

Анна наконец повернулась к мужу.

Марк молчал.

И это молчание было признанием.

Всё, что Анна строила пятнадцать лет, не рухнуло сразу. Нет. Оно еще стояло: столы, свечи, цветы, фотографии, дети, гости, музыка, платье, кольцо на пальце.

Просто теперь она увидела, что внутри этого дома давно не было стен.

Лина наклонилась к мальчику и тихо сказала:

— Поздоровайся.

Тимур посмотрел на Анну, потом на Марка.

— Здравствуйте, — прошептал он.

Анна не ответила. Не потому, что хотела быть жестокой. Просто в ее горле не осталось голоса.

Марк шагнул к ней:

— Я всё объясню.

И тогда Анна рассмеялась.

Тихо. Один раз. Почти беззвучно.

Потому что только мужчина мог привести чужого ребенка на годовщину их брака и сказать: “Я всё объясню”, будто объяснение способно вернуть время туда, где оно еще не треснуло.

Соня вдруг громко спросила:

— Папа?

В этом одном слове было больше ужаса, чем во всем скандале.

Марк повернулся к дочери, и Анна увидела на его лице то, чего не видела давно: настоящий страх.

Не за нее.

За себя в глазах ребенка.

Телефон Марка снова завибрировал. На этот раз звук был отчетливым в мертвой тишине зала.

Лина посмотрела на его карман и горько усмехнулась.

— Ответь, — сказала она. — Вдруг это поставщик.

Анна медленно подняла голову.

Марк закрыл глаза.

А потом у входа появился администратор ресторана и растерянно сказал:

— Простите, там мужчина спрашивает господина Марка. Говорит, срочно. По поводу мальчика.

Лина побледнела так резко, будто из нее вынули кровь.

Она схватила Тимура за плечи.

— Уже нашли, — прошептала она.

Анна услышала.

Марк тоже.

И впервые за весь вечер испугался не разоблачения.

А чего-то большего.

Телефон снова завибрировал. Марк достал его дрожащей рукой.

На экране вспыхнуло сообщение.

Анна стояла достаточно близко, чтобы прочитать:

“Я больше не буду ждать. Сегодня он узнает отца.”

Сообщение было отправлено не Линой.

А с номера, подписанного у Марка одним словом:

Мама.

Глава 2. Идеальная семья

Соня ненавидела семейные праздники за то, что на них все врали громче обычного.

В обычные дни вранье было тихим. Оно жило в коротких фразах: “я задержусь”, “ничего не случилось”, “мы просто устали”, “не говори так с матерью”, “папа работает”, “мама не злится”.

Но на праздниках вранье надевало красивое платье, фотографировалось под цветочной аркой и поднимало бокал за любовь.

Соня сидела за главным столом рядом с Левой и пыталась не выглядеть так, будто ей хочется провалиться под землю. Платье кололось под мышками, туфли натирали пятку, а мать каждые пять минут смотрела на нее тем самым взглядом, от которого хотелось немедленно сделать что-нибудь запрещенное.

Например, выложить в сторис фотографию бабушки Веры Павловны с подписью: “Главный налоговый инспектор нашей семьи”.

Или сказать в микрофон, что пятнадцать лет брака — это не подвиг, если последние два года родители разговаривают между собой как юристы перед судом.

Но Соня молчала.

Она уже хорошо умела молчать.

Молчание было единственным способом не ссориться с мамой.

Мама сегодня была красивая. Это раздражало особенно сильно.

Соня видела, как на Анну смотрят гости: с уважением, с легкой завистью, с тем женским выражением лица, которое означает: “Вот бы и мне так держаться”. Мама умела держаться. Всегда. Когда Лев болел и температурил три ночи подряд. Когда папа забывал про школьные собрания. Когда бабушка Вера Павловна приходила без звонка и начинала переставлять чашки на кухне. Когда папа улыбался виновато и говорил: “Ань, ну ты же понимаешь”.

Мама понимала всё.

Иногда Соня думала, что это и есть ее главная проблема.

Папа стоял у бара с каким-то мужчиной в сером костюме. Он смеялся, наклонив голову, легко касался собеседника за плечо, говорил что-то уверенное. Папа всегда выглядел так, будто мир создан для того, чтобы уступать ему дорогу.

Соня обожала его в детстве.

Она помнила, как он подбрасывал ее вверх, а мама кричала: “Марк, осторожно!” Помнила, как он забирал ее из садика с огромной розовой ватой, хотя мама запрещала сладкое до ужина. Помнила, как однажды они вдвоем сбежали с семейного обеда и пошли в кино на мультик, а потом папа сказал: “Это будет наш секрет”.

Тогда секреты казались веселыми.

Теперь — липкими.

— Сонь, — Лев толкнул ее локтем. — А этот мальчик кто?

— Какой?

— Там. У входа.

Соня повернулась.

У дверей стояла женщина с мальчиком.

Сначала Соня подумала, что это чьи-то опоздавшие гости. Женщина была молодая, хотя выглядела уставшей. У нее были светлые волосы, распущенные по плечам, и лицо человека, который либо сейчас заплачет, либо сделает что-то ужасное. Мальчик рядом с ней держал ее за руку так крепко, будто боялся, что его оставят.

— Не знаю, — сказала Соня.

— Он на меня смотрит.

— На всех он смотрит. Ему страшно.

— Почему?

Соня хотела ответить: “Потому что взрослые опять устроили фигню”. Но не стала.

Мальчик действительно выглядел испуганным. Не так, как дети, которые стесняются незнакомых людей. Иначе. Будто он заранее знал: куда его привели, там ему не рады.

Женщина смотрела не на зал.

Она смотрела на папу.

И вот тут внутри Сони что-то щелкнуло.

Не мысль. Не догадка. Просто неприятное чувство, которое она уже знала. Оно появлялось, когда папа резко переворачивал телефон экраном вниз. Когда мама вдруг замолкала на полуслове. Когда бабушка Вера говорила: “Не при детях”, хотя дети уже давно всё слышали.

Папа тоже увидел женщину.

Соня заметила это сразу.

Он стоял с микрофоном, говорил что-то красивое про маму, про дом, про мудрость. И вдруг замолчал. Настолько резко, что даже ведущая перестала улыбаться.

Женщина шагнула вперед.

— Лина, — сказал папа.

Соня услышала имя, хотя вокруг зашевелились гости.

Лина.

У папы был голос не удивленного человека. У папы был голос человека, которого поймали.

Соня почувствовала, как у нее похолодели пальцы.

Лев зашептал:

— Сонь, что происходит?

— Молчи.

— Но кто это?

— Я сказала, молчи.

Она не хотела быть злой с братом. Просто если Лев сейчас задаст еще один вопрос, она сама сорвется. А ей нужно было смотреть. Нужно было ничего не пропустить. Потому что взрослые потом обязательно начнут объяснять все так, будто дети глупые.

А дети не глупые.

Дети просто зависят от тех, кто врет.

Женщина подошла ближе. Мальчик почти прятался за ее рукой. Папа шагнул к ним, но не как к гостям. Как к пожару.

— Лина, мы поговорим снаружи, — сказал он.

“Снаружи”.

Соня почему-то сразу запомнила это слово.

Папа хотел убрать ее с глаз. Убрать из зала. Убрать из праздника. Убрать из их жизни обратно туда, где она была до этого момента.

Женщина ответила:

— Сегодня я уже достаточно стояла снаружи.

У Сони свело живот.

Бабушка Вера встала со своего места. Ее лицо стало каменным. Мама сидела неподвижно. Очень прямо. Так прямо, что Соне стало страшно за ее позвоночник.

И тогда женщина сказала:

— Это Тимур. Сын Марка.

Сначала Соня ничего не поняла.

Слова были простые. Она знала каждое. Тимур. Сын. Марка.

Но вместе они не складывались.

У папы не могло быть сына.

У папы уже был сын. Лев.

И дочь. Она.

У папы была семья. Их семья. Нормальная, официальная, с фотографиями у моря, с бабушками, с годовщиной, с общими завтраками по воскресеньям, когда мама делала сырники, а папа читал новости и отдавал Леве кусочки яблока со своей тарелки.

У папы не могло быть еще одного ребенка, потому что дети не появляются случайно, как штрафы за парковку.

Для ребенка нужно время.

Нужно касаться другой женщины.

Нужно быть с ней.

Нужно возвращаться домой после нее.

Нужно смотреть маме в глаза.

Соня встала.

Стул тихо скрипнул по полу, но ей показалось, что звук услышали все.

— Папа? — сказала она.

Она хотела, чтобы он засмеялся. Чтобы сказал: “Господи, нет, это ошибка”. Чтобы разозлился. Чтобы сделал хоть что-нибудь, что отменит эти слова.

Но папа посмотрел на нее так, будто она ударила его.

Не Лина. Не мальчик. Не мама.

Она.

Его дочь, которая больше не смотрела на него как раньше.

И тогда Соня поняла: это правда.

Лев рядом начал плакать. Не громко, а странно — открытым ртом, без звука. Как маленький, хотя ему уже было девять.

— Сонь, — прошептал он. — Это что, наш брат?

Она не ответила.

Потому что если ответит “нет”, соврет.

Если ответит “да”, что-то внутри нее умрет окончательно.

Мама наконец поднялась.

Соня ждала крика. Пощечины. Истерики. Чего угодно человеческого.

Но Анна просто стояла.

Красивая. Бледная. С прямой спиной.

Соня вдруг впервые за вечер не разозлилась на нее за это. Ей стало больно.

Мама сейчас держалась не потому, что хотела казаться идеальной. А потому что, если перестанет, развалится прямо здесь, при всех, у главного стола, между свечами и бокалами.

Лина сказала мальчику:

— Поздоровайся.

Мальчик посмотрел на маму. Потом на папу. Потом на Анну.

— Здравствуйте, — прошептал он.

И Соня его возненавидела.

Сразу.

Полностью.

Несправедливо.

Она знала, что он ребенок. Знала, что он ни в чем не виноват. Знала даже в этот момент. Но ненависть не спрашивает разрешения у совести. Она просто встает внутри, как черная вода, и затапливает всё.

Этот мальчик был живым доказательством того, что их семья не была настоящей.

У него были папины глаза.

Вот за это Соня возненавидела его сильнее всего.

Папа сказал маме:

— Я всё объясню.

Мама тихо рассмеялась.

Соня никогда не слышала от нее такого смеха. Низкого, короткого, страшного. Не смешного. Мертвого.

Гости молчали. Кто-то отвернулся. Кто-то, наоборот, смотрел с жадностью. Соня увидела, как тетя Ира прикрывает рот ладонью, а дядя Костя достает телефон, будто хочет проверить сообщения, хотя на самом деле пытается снять происходящее.

Соня вдруг поняла, что через час об этом будут знать все.

Кто-то напишет кому-то: “Ты не представляешь, что было у Марка и Анны”.

Кто-то скажет: “Я давно подозревала”.

Кто-то пожалеет маму так, что лучше бы ударил.

И завтра в школе она будет не Соня.

Она будет девочка, у которой отец привел внебрачного сына на годовщину свадьбы.

Соня резко пошла к дяде Косте и вырвала у него телефон.

— Эй! — возмутился он.

— Еще раз снимете — разобью.

— Ты как разговариваешь?

— А вы как себя ведете?

Он покраснел, но телефон забрал не сразу. Потому что боялся. Не ее даже — ситуации, в которой подросток оказался взрослее него.

Соня вернулась к Леве, взяла его за руку и потянула к выходу.

— Пойдем.

— Куда?

— Просто пойдем.

— А мама?

— Мама сейчас не может.

Лев заплакал уже по-настоящему.

— Папа нас больше не любит?

Соня остановилась так резко, что он врезался ей в плечо.

Она хотела сказать: “Любит”. Хотела. Автоматически. Потому что старшие сестры должны говорить младшим братьям такие вещи.

Но перед глазами стоял мальчик Тимур. Семь лет. Значит, семь лет папа приходил домой к ним. Семь лет целовал маму. Семь лет спрашивал у Сони про оценки, ругал за бардак в комнате, покупал Леве конструкторы, ел с ними суп, ездил на море, фотографировался с ними у елки.

И где-то в эти же семь лет был другой мальчик.

Тоже ждал его.

Тоже, наверное, радовался, когда он приходил.

Соня не смогла сказать “любит”.

Она сказала:

— Я не знаю.

Лев посмотрел на нее так, будто она предала его последней.

В этот момент возле входа появился администратор ресторана и сказал что-то про мужчину, который спрашивает Марка. По поводу мальчика.

Лина побледнела. Тимур прижался к ней.

Мама повернулась к папе.

Папа достал телефон.

Соня увидела, как его рука дрожит.

Она стояла достаточно близко, чтобы заметить экран, но не достаточно, чтобы прочитать. Зато она увидела другое: папа смотрел не как человек, которому стыдно. Он смотрел как человек, который понял, что ловушка захлопнулась не только вокруг него.

— Марк, — сказала бабушка Вера.

На этот раз в ее голосе не было злости.

Только приказ.

Папа поднял глаза на свою мать.

И Соня вдруг поняла странную вещь: папа боится бабушку.

Всегда боялся.

Просто хорошо скрывал.

Лина схватила Тимура за плечи и сказала:

— Мы уходим.

— Нет, — резко сказал папа.

Слишком резко.

Все снова посмотрели на него.

— То есть… — он сглотнул. — Подожди. Надо разобраться.

Лина усмехнулась.

— Разобраться? Сейчас?

— Ты не можешь просто так ворваться сюда и…

— И что? — перебила она. — И испортить тебе праздник?

Мальчик Тимур вдруг заплакал.

Тихо-тихо. Без капризов. Просто слезы потекли по его лицу, а он даже не вытер их. Он смотрел на папу, и в этом взгляде было столько детской надежды, что Соня почувствовала новый приступ ненависти.

Не к нему теперь.

К отцу.

Потому что Тимур смотрел на Марка так же, как Лев пять минут назад смотрел на Соню.

С надеждой, что взрослый сейчас скажет правильные слова и мир снова станет безопасным.

Но папа молчал.

Мама подошла к Леве и Соне. Не обняла. Просто встала рядом, как стена.

— Дети, идем домой, — сказала она.

— Анна, — папа шагнул к ней. — Не надо сейчас увозить их.

Мама посмотрела на него.

— А когда надо, Марк? Через семь лет?

Соня почти физически почувствовала, как эти слова ударили его.

Бабушка Вера сказала:

— Анна, не устраивай сцену.

Мама медленно повернулась к ней.

— Сцену?

В зале стало еще тише.

— Это не я привела ребенка мужа на нашу годовщину, Вера Павловна. И не я семь лет называла правду сценой.

Бабушка Вера поджала губы.

— Ты не всё знаешь.

— Да, — сказала мама. — Но начинаю догадываться, кто знал.

Вера Павловна побледнела.

Соня посмотрела на нее и впервые увидела не бабушку, которая всех строит, а старую женщину, у которой из рук выскользнула тщательно спрятанная грязная вещь.

Администратор снова появился у входа.

— Простите, мужчина настаивает. Он говорит, что женщина с ребенком должна выйти.

Лина отступила на шаг.

— Нет, — прошептала она. — Нет, я к нему не пойду.

Марк повернулся к администратору:

— Кто он?

— Не представился.

— Как выглядит?

— Высокий. В темной куртке. Он сказал, что его прислали.

— Кто прислал? — спросила Анна.

Администратор растерялся.

— Он сказал… ваша мать.

Соня медленно повернула голову к Вере Павловне.

Теперь все смотрели на нее.

Бабушка стояла неподвижно. Только пальцы сжимали жемчужную нитку на шее так сильно, будто она могла задушить сама себя.

— Мама? — сказал Марк.

Вера Павловна выпрямилась.

— Я хотела остановить позор.

Эта фраза повисла в воздухе.

Соня запомнила ее. Слово в слово.

Не “я хотела защитить ребенка”.

Не “я хотела помочь”.

Не “я испугалась”.

Позор.

Вот чем они были для нее.

Лина. Тимур. Мама. Они все. Не люди — позор, который нужно убрать до того, как кто-то увидит.

Лина вдруг резко наклонилась к Тимуру.

— Слушай меня. Если что-то случится, ты помнишь, что я говорила?

Мальчик испуганно кивнул.

— Лина, прекрати, — сказал Марк.

— Не подходи.

— Я отец.

— Сегодня вспомнил?

Марк будто получил пощечину. Но не подошел.

И тогда в дверях появился мужчина.

Он не вошел в зал полностью. Просто остановился на границе света и полумрака коридора. Высокий, широкоплечий, в темной куртке, с лицом, которое Соня не успела разглядеть. Но она увидела, как Лина вцепилась в руку Тимура.

Мужчина посмотрел прямо на нее.

Потом на Марка.

Потом на Веру Павловну.

— Пора, — сказал он.

Одно слово.

И от этого слова стало страшнее, чем от всего скандала.

Мама быстро взяла Леву за плечо, другой рукой коснулась Сониной спины.

— К выходу. Сейчас.

— Мам…

— Соня, сейчас.

Соня хотела спорить, но не стала. В голосе матери было то, чего она раньше никогда не слышала: не просьба, не раздражение, не контроль.

Опасность.

Они пошли к боковому выходу. Лев цеплялся за мамину руку. Соня обернулась.

Папа стоял между Линой и тем мужчиной, но выглядел так, будто не знает, кого защищать и от кого.

Бабушка Вера что-то говорила администратору.

Гости наконец ожили, зашумели, кто-то начал вставать, кто-то звонить, кто-то шептать. Красивая годовщина превратилась в место аварии, где все смотрят на разбитую машину, но никто не хочет первым подойти к крови.

У самой двери Соня увидела Тимура.

Он тоже смотрел на нее.

Не на папу. Не на маму. На нее.

И в его глазах было не “я забрал твоего отца”.

В его глазах было: “Пожалуйста, скажи, что я не виноват”.

Соня отвернулась.

Она не могла ему этого сказать.

Пока не могла.

В коридоре было холодно и пахло влажными пальто. Мама почти толкнула их в сторону гардероба.

— Надевайте куртки.

— А папа? — спросил Лев.

Мама замерла на секунду.

— Папа останется.

— С тем мальчиком?

Анна закрыла глаза.

— Лев.

— Он теперь будет жить с нами?

Соня резко сказала:

— Нет.

Мама посмотрела на нее.

— Ты этого не знаешь.

— А ты знаешь?

Вопрос вылетел сам. Злой, острый, несправедливый.

Мама вздрогнула.

Соня сразу пожалела, но не извинилась. Внутри все было слишком громко.

Из зала донесся женский крик.

Лина.

Потом грохот.

Потом голос Марка:

— Не трогай его!

Мама бросилась обратно.

— Оставайтесь здесь!

Но Соня уже бежала за ней.

Она не собиралась больше оставаться там, где ее оставляют дети взрослые, чтобы потом сказать: “Это тебя не касается”.

Это касалось ее.

Это теперь касалось их всех.

Когда Соня вбежала в зал, она увидела, как Тимур стоит посреди прохода один.

Лина исчезла.

Марк держал того мужчину за ворот куртки. Администратор звал охрану. Бабушка Вера кричала на кого-то по телефону. Гости отступали к стенам.

А мальчик стоял один, маленький и совершенно белый.

В руке он сжимал что-то блестящее.

Соня подошла ближе почти против своей воли.

Тимур посмотрел на нее снизу вверх.

— Мама сказала не отдавать папе, — прошептал он.

И разжал ладонь.

На ней лежал маленький ключ.

Соня хотела спросить, от чего он. Хотела позвать маму. Хотела сказать, что ей всё равно.

Но не успела.

Потому что Марк увидел ключ.

И лицо его изменилось так, что Соня поняла: этот маленький кусок металла страшнее для него, чем все сказанные сегодня слова.

— Тимур, — тихо сказал отец. — Дай это мне.

Мальчик отступил.

Соня, сама не понимая зачем, встала перед ним.

Марк посмотрел на дочь.

— Соня, отойди.

Она сжала ключ в кулаке.

И впервые в жизни не послушалась отца.

— Нет, — сказала она.

Глава 3. Третий ребенок

Анна не помнила, как вернулась в зал.

Позже, много раз прокручивая этот вечер в голове, она будет видеть отдельные куски: белые скатерти, опрокинутый бокал, красное пятно вина на полу, лицо Сони, слишком взрослое для четырнадцати лет, и маленькую ладонь Тимура с ключом.

Но связной памяти не будет.

Будет только ощущение, что ее жизнь разбилась не сразу, а рассыпалась мелкими осколками, и каждый осколок отражал Марка.

Марк у главного стола.

Марк с микрофоном.

Марк, произносящий имя Лины так, будто оно давно лежало у него под языком.

Марк, говорящий “я всё объясню”.

Марк, смотрящий не на жену, не на детей, а на маленький ключ в руке мальчика.

Анна стояла у входа в зал и впервые за пятнадцать лет не знала, кто перед ней.

Ее муж или человек, который носил его лицо.

— Соня, — сказала она.

Дочь даже не повернулась.

Она стояла между Марком и Тимуром. В худенькой руке Сони был зажат ключ. Пальцы побелели от напряжения.

— Соня, отдай, — сказал Марк.

Голос у него был тихий. От этого становилось страшнее. Когда Марк кричал, его можно было обвинить в грубости. Когда говорил так, мягко и ровно, он напоминал человека, который уже все решил.

— Нет, — повторила Соня.

В зале кто-то всхлипнул. Кто-то шептал: “Господи, дети…” Ведущая стояла у стены, прижимая микрофон к груди, будто это могло ее защитить. Музыка давно смолкла, но в ушах Анны все еще звучали последние ноты — липкие, праздничные, неуместные.

Лина исчезла.

Еще минуту назад она была здесь: бледная, хрупкая, с дрожащими губами и злым отчаянием в глазах. Теперь ее не было. Только Тимур стоял посреди прохода, маленький, чужой, испуганный, и смотрел на Марка так, как смотрят на дверь, которая может либо открыться, либо захлопнуться перед лицом.

Мужчина в темной куртке дернулся, пытаясь освободиться. Марк держал его за ворот.

— Отпусти, — хрипло сказал мужчина. — Ты не понимаешь, что делаешь.

— Где она? — спросил Марк.

— Уже поздно.

Анна услышала эти слова и почувствовала, как холод проходит по спине.

— Что значит поздно? — спросила она.

Мужчина посмотрел на нее. В его взгляде не было ни уважения, ни жалости. Только раздражение: еще один человек, который мешает.

— Вы вообще кто? — спросила Анна.

— Не ваше дело.

Марк ударил его о стену. Не сильно, но достаточно, чтобы у ближайших гостей вырвался испуганный звук.

— Где Лина?

— Марк! — Анна сама не узнала свой голос. — Отпусти его.

Он обернулся к ней.

На секунду Анна увидела перед собой прежнего Марка: растерянного, почти мальчишеского, с немой просьбой понять. И эта секунда была самой жестокой. Потому что сердце по привычке дернулось к нему — туда, где пятнадцать лет жило слово “мой”.

Потом она вспомнила мальчика.

И слово умерло.

— Дети смотрят, — сказала Анна.

Марк медленно разжал пальцы.

Мужчина поправил куртку, провел ладонью по горлу и усмехнулся.

— Вот теперь вспомнили про детей.

Вера Павловна быстро подошла к нему. Она уже не выглядела растерянной. Ее лицо снова стало строгим, собранным, почти холодным.

— Уходите, — сказала она. — Немедленно.

Мужчина склонил голову чуть набок.

— Вы сами меня позвали.

— Я сказала — уходите.

— Поздно, Вера Павловна. Вы слишком много лет всё решали чужими руками.

Анна повернулась к свекрови.

Вера Павловна не отвела взгляд, но вокруг ее губ появилась мелкая дрожь.

— Что это значит? — спросила Анна.

— Ничего, — отрезала свекровь. — Этот человек пытается устроить скандал.

Анна почти рассмеялась.

Скандал.

У них на годовщине стоял внебрачный сын ее мужа, любовница исчезла из зала неизвестно куда, какой-то мужчина говорил загадками, а свекровь все еще пыталась назвать происходящее скандалом, будто дело было в шуме, а не в гнили под полом.

— Мама, — сказал Марк. — Ты его знаешь?

Вера Павловна посмотрела на сына так, будто он предал ее не меньше, чем Анну.

— Я пыталась защитить семью.

Эти слова Анна уже слышала от нее раньше. В другой форме, в других ситуациях.

Когда Марк не пришел на день рождения Льва, потому что “застрял на встрече”, а Вера Павловна сказала: “Мужчину нельзя пилить, если он зарабатывает”.

Когда Анна пожаловалась, что устала тянуть дом одна, а свекровь ответила: “Все женщины устают, умные молчат”.

Когда Соня в десять лет спросила, почему бабушка всегда защищает папу, Вера Павловна сказала: “Потому что мужчина — стержень семьи”.

Стержень.

Анна посмотрела на Марка.

Он стоял посреди разорванного вечера, и от его стержня осталась одна красивая оболочка.

— Где Лина? — тихо спросила Анна.

Мужчина посмотрел на нее внимательнее.

— Вы правда не знали?

Вопрос был простой, но ударил больнее, чем признание.

Анна почувствовала, как на нее смотрят гости. Родственники. Друзья. Коллеги Марка. Люди, которые еще час назад говорили ей, какая у них крепкая семья.

Она хотела сказать: “Нет”.

Но это было бы не совсем правдой.

Она не знала о Тимуре.

Не знала имени Лины.

Не знала, что у мужа есть другая жизнь длиной в семь лет.

Но разве она совсем не знала?

Разве не чувствовала пустоты в тех местах, где должны были быть объяснения? Разве не замечала, что Марк стал осторожнее, нежнее после каждой задержки? Разве не понимала, что его внезапные подарки не о любви, а о заглаживании вины, которую она не называла?

Анна ничего не ответила.

Мужчина кивнул, будто ее молчания было достаточно.

— Лина ушла через служебный выход. Если она умная, уже села в машину.

— В чью машину? — спросил Марк.

— Не в твою.

Марк двинулся к нему, но Анна резко сказала:

— Хватит.

Он остановился.

Потому что в ее голосе впервые не осталось ничего от жены.

Только свидетель.

— Соня, — Анна протянула руку. — Дай мне ключ.

Дочь медленно повернулась. Ее глаза блестели, но она не плакала. В этом было что-то страшное. Лев рыдал открыто, по-детски. Тимур молчал так, будто плакать ему было нельзя.

Соня подошла к Анне и вложила ключ ей в ладонь.

Ключ был маленький, серебристый, с круглой головкой. Обычный. От почтового ящика, шкафчика, сейфа, ячейки — чего угодно. И все же Марк смотрел на него так, будто Анна держала нож у его горла.

— Аня, — сказал он.

Она подняла на него глаза.

Он давно не называл ее так при людях. Только в начале брака. Потом появилась Анна — удобная, взрослая, официальная. Аня осталась где-то в их маленькой съемной квартире, где они ели макароны прямо из кастрюли и верили, что любовь — это когда нечего скрывать.

— Не сейчас, — произнес он.

Анна закрыла ключ в кулаке.

— Ты семь лет жил с этой фразой, Марк. Не удивительно, что она у тебя получается лучше всего.

Он побледнел.

Вера Павловна вмешалась:

— Анна, ты сейчас не в состоянии принимать решения. Отдай ключ Марку. Это может касаться его дел.

— Его дел? — Анна повернулась к ней. — Или ваших?

Свекровь поджала губы.

— Не забывайся.

И тут Соня вдруг сказала:

— А вы знали.

Не спросила. Сказала.

Вера Павловна посмотрела на внучку.

— Соня, не вмешивайся во взрослые разговоры.

— Вы знали, — повторила Соня. — Вы сказали: “Мы семь лет держали это в тишине”. Я слышала.

В зале снова стало тихо.

Анна почувствовала, как внутри у нее что-то обрывается уже не от Марка, а от этих слов.

Семь лет.

Не один поступок. Не случайная ошибка. Не страсть, которая “случилась”.

Система.

Целая система молчания, где каждый знал свое место. Марк лгал. Лина ждала. Вера Павловна прикрывала. Анна улыбалась на фотографиях. Дети росли внутри декорации, не зная, что под ними давно проваливается пол.

— Соня, — Марк сделал шаг к дочери. — Ты не понимаешь.

— Я понимаю, что у меня есть брат, о котором ты нам не сказал.

Лев громко всхлипнул.

Слово “брат” повисло между детьми, как чужая фамилия.

Тимур вздрогнул и посмотрел на Соню. Не с надеждой уже. С болью.

Соня тут же отвернулась, будто пожалела, что произнесла это вслух.

Анна подошла к Льву, присела перед ним и взяла его лицо в ладони.

— Слушай меня. Ты ни в чем не виноват. Соня ни в чем не виновата. И Тимур тоже.

Произнести имя мальчика оказалось трудно. Оно было как косточка в горле.

Лев посмотрел на нее мокрыми глазами.

— Папа теперь уйдет?

Анна не знала ответа.

Раньше она всегда отвечала детям быстро. Даже если не была уверена. Материнство часто состоит из уверенного голоса при полном внутреннем ужасе.

Но сейчас врать было невозможно. Слишком много лжи уже стояло в этом зале.

— Я не знаю, — сказала она. — Но я рядом.

Лев обнял ее за шею так крепко, что стало больно.

И эта боль спасла Анну.

Она вдруг поняла, что не имеет права развалиться здесь. Не потому, что гости смотрят. Не потому, что Вера Павловна ждет слабости. Не потому, что Марк сейчас снова попробует взять все под контроль.

А потому, что у нее есть двое детей, для которых мир только что стал опасным.

И третий ребенок, который стоял в трех шагах от нее и тоже не знал, куда ему теперь идти.

Эта мысль была невыносима.

Третий ребенок.

Не ее.

Но ребенок.

Анна поднялась.

— Праздник окончен, — сказала она.

Никто не двинулся.

Тогда она повернулась к администратору:

— Вызовите такси. И охрану. Гости могут расходиться.

— Анна, — сказал Марк. — Мы не можем так.

— Можем.

— Надо поговорить.

— Ты будешь говорить с адвокатом.

Эти слова вылетели раньше, чем она успела решить. Но как только они прозвучали, Анна поняла: да. Именно так.

Марк смотрел на нее, будто не верил.

Наверное, он ждал слез. Крика. Пощечины. Женской истерики, после которой можно попросить прощения, обнять, увезти домой, сказать: “Ты была не в себе”. Он знал, как вести себя с болью, если боль можно назвать эмоцией.

Но Анна дала ему не эмоцию.

Она дала последствия.

— Ты не посмеешь, — тихо сказала Вера Павловна.

Анна улыбнулась ей. Почти спокойно.

— Вы слишком долго путали мое терпение с разрешением.

Свекровь резко вдохнула.

Марк закрыл глаза.

И в этот момент Тимур вдруг сказал:

— А где мама?

Все повернулись к нему.

Мальчик стоял один. Никто не держал его за руку. Никто не обнимал. Никто не объяснял. Он был причиной всех взрослых слов, но ни одно взрослое слово не было для него.

— Моя мама где? — повторил он.

Марк сделал шаг.

Тимур отступил.

Этот маленький шаг оказался страшнее любого признания.

Марк остановился.

— Тим, я…

— Не называй меня так, — сказал мальчик.

Тихо. Без злости. Так, как говорят дети, когда у них больше нет сил бояться.

Анна увидела, как лицо Марка дернулось.

Да, подумала она. Вот оно. Вот твое наказание. Не я. Не развод. Не гости. Не деньги. А ребенок, который перестает ждать от тебя защиты.

Мужчина в темной куртке неожиданно направился к выходу.

— Стоять, — сказал Марк.

— Ты мне не командир.

— Где Лина?

Мужчина остановился у дверей и обернулся.

— Спроси у своей матери, зачем ей понадобилось найти ее именно сегодня.

— Я не… — начала Вера Павловна.

Но мужчина перебил:

— Вы хотели, чтобы она исчезла тихо. А она выбрала громко.

После этих слов он вышел.

Охрана бросилась за ним, но Анна уже понимала: важное произошло не там, в коридоре. Важное осталось здесь.

Ключ в ее ладони.

Тимур без матери.

Марк без ответа.

Вера Павловна с лицом человека, который впервые за много лет потерял власть над историей.

Анна раскрыла кулак и посмотрела на ключ.

— От чего он? — спросила она Марка.

— Я не знаю.

Ложь.

Уже не тонкая, не искусная. Простая, усталая ложь.

Анна кивнула.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Что теперь я знаю, как звучит твоя правда.

Он хотел что-то сказать, но телефон Анны зазвонил.

Она вздрогнула. Номер был незнакомый.

Все почему-то замолчали, будто звонок был частью того же кошмара.

Анна ответила.

— Да?

В трубке шумело. Сначала она услышала только дыхание. Быстрое, прерывистое.

Потом женский голос.

— Анна?

Анна застыла.

Она не знала этот голос, но тело узнало раньше разума.

Лина.

— Где вы? — спросила Анна.

Марк резко поднял голову.

Тимур сделал шаг к ней.

— Не отдавайте ему ключ, — прошептала Лина. — И не отдавайте Тимура.

— Лина, где вы?

— Я не успела…

Связь трещала. Где-то рядом с Линой хлопнула дверь или ударило что-то металлическое.

— Что не успели?

Пауза.

Потом Лина сказала почти беззвучно:

— Он не должен был родиться один.

Анна не поняла.

— Что?

— У Тимура… — голос сорвался. — У Тимура есть…

В трубке раздался резкий звук. Не крик даже — выдох боли.

Связь оборвалась.

Анна стояла с телефоном у уха.

— Что она сказала? — спросил Марк.

Анна медленно опустила руку.

Она посмотрела на Тимура. На мальчика, который еще утром, возможно, думал, что сегодня отец наконец признает его перед всеми. На Соню, которая сжимала губы, чтобы не заплакать. На Льва, который держался за ее платье. На Веру Павловну, чьи глаза впервые стали по-настоящему испуганными.

Потом Анна перевела взгляд на Марка.

— Она сказала, чтобы я не отдавала тебе ключ.

Марк побледнел.

— И Тимура.

— Анна…

— А еще, — она почувствовала, как голос становится совсем чужим, — она сказала, что Тимур не должен был родиться один.

Вера Павловна тихо ахнула.

Не громко. Едва слышно.

Но Анна услышала.
Марк тоже.
И в этот миг Анна поняла самое страшное: сегодня она узнала не всю правду.
Только первую.

Глава 4. Не сейчас

Марк всегда считал себя человеком, который умеет решать проблемы.

Не сразу, может быть. Не идеально. Иногда не самым честным способом. Но решать.

Бизнес научил его главному: если на тебя несется стена, нельзя закрывать глаза. Нужно быстро понять, где в ней трещина, и ударить туда первым. Люди тоже были стенами — только теплыми, шумными, обидчивыми. С ними работало почти то же самое.

Анна злилась — надо было дать ей время.

Соня спорила — надо было перевести разговор в шутку.

Вера Павловна давила — надо было соглашаться, а потом делать по-своему.

Лина плакала — надо было обещать.

Обещания были самым дешевым способом купить тишину.

Марк понял это не сразу. Вначале он действительно верил каждому своему слову.

Когда впервые сказал Лине: “Я уйду от Анны”, он был почти уверен, что уйдет. В тот вечер они сидели в машине возле ее дома. Дождь бил по стеклу, Лина плакала молча, не вытирая слез, а он держал ее за руку и чувствовал себя не мерзавцем, а человеком, попавшим в трагедию.

Ему тогда казалось: любовь может случиться не вовремя. Что тут поделаешь? Он ведь не хотел. Не планировал. Не искал.

Просто однажды рядом с ним появилась женщина, которая смотрела на него так, будто он не банкомат, не муж, не отец, не сын Веры Павловны, не человек, который обязан держать все под контролем.

А живой мужчина.

Лина умела слушать. Анна тоже когда-то умела, но потом в их доме стало слишком много расписаний, счетов, детских болезней, школьных чатов, планов, претензий и молчания. Анна не исчезла. Нет. Она просто стала частью системы, где всё держалось на ней, а он в этой системе постепенно превратился в функцию.

Лина же смотрела на него с восхищением.

И Марк, которому было тридцать пять, которому казалось, что он еще молод, силен и имеет право на счастье, взял это восхищение как стакан воды после долгой жажды.

А потом родился Тимур.

Вот тогда все перестало быть романом.

Марк помнил тот день слишком хорошо. Маленькая палата. Лина бледная, измученная, с мокрыми волосами у висков. Свёрток у нее на руках. И глаза мальчика — серые, темные, еще ничего не понимающие.

— Смотри, — прошептала Лина. — Он твой.

Марк смотрел и чувствовал не радость.

Ужас.

Не потому, что не хотел сына. Хотел. Может быть, где-то даже мечтал о еще одном ребенке, только не так. Не в палате, куда он приехал тайком. Не с женщиной, которой обещал будущее, пока дома его ждала жена с двумя детьми. Не с телефоном в кармане, где каждые десять минут появлялись сообщения от Анны: “Ты скоро? У Льва температура”.

Он тогда поцеловал Тимура в лоб.

И сказал Лине:

— Я всё решу.

С тех пор прошло семь лет.

И вот теперь все, что он “решал”, стояло посреди банкетного зала и смотрело на него глазами его сына.

Марк не сразу понял, что Анна говорит с Линой по телефону. Он видел только ее лицо — белое, напряженное, почти чужое. В руке у нее был тот самый ключ.

Ключ, которого не должно было быть здесь.

Ключ, который Лина обещала не трогать.

Ключ, о котором мать сказала ему всего три дня назад:

— Если она вздумает вынести документы, мы все потеряем.

“Мы”.

Вера Павловна всегда говорила “мы”, когда имела в виду себя.

— Что она сказала? — спросил Марк.

Анна посмотрела на него так, будто он был не мужем, а подозреваемым.

И это было хуже крика.

— Она сказала, чтобы я не отдавала тебе ключ. И Тимура.

У Марка сдавило горло.

— Она не в себе.

Фраза вылетела автоматически. Слишком быстро. Слишком привычно.

Анна даже не моргнула.

— Кто именно из нас сегодня “не в себе”, Марк?

Он хотел ответить. Хотел сказать, что Лина всегда была эмоциональной, что она могла придумать опасность, что мать вмешалась только потому, что боялась скандала, что все можно объяснить, если Анна перестанет смотреть на него так, будто уже вынесла приговор.

Но рядом стояла Соня.

Его дочь.

Она держала Льва за плечи, но смотрела на отца. В ее глазах не было слез. Только что-то острое, взрослое, безжалостное.

Марк вдруг понял: если сейчас он соврет, она это услышит.

Не докажет. Не поймает. Просто услышит.

И навсегда запомнит его голос в момент лжи.

— Соня, — сказал он тихо. — Отведи Льва в коридор.

— Нет.

Он вздрогнул.

Соня никогда раньше не говорила ему “нет” так. Могла спорить, хлопать дверью, закатывать глаза, но это “нет” было не подростковым. Это было окончательным.

— Это взрослый разговор.

— У тебя есть еще дети, о которых мы узнаем потом? — спросила она.

В зале кто-то ахнул.

Марк почувствовал, как внутри поднимается злость. Не на Соню. Нет. На ситуацию. На Лину. На мать. На этот чертов вечер, который должен был пройти красиво и спокойно. На Анну, которая стояла слишком прямо. На себя — меньше всего, потому что если злиться на себя по-настоящему, можно было не выдержать.

— Не говори так, — сказал он.

— А как говорить? — голос Сони дрогнул. — “Поздравляю, папа, у нас теперь новая семья”?

— Соня, — вмешалась Анна.

Дочь резко замолчала. Не потому, что послушалась отца. Потому что мать сказала.

И это тоже ударило Марка.

До сегодняшнего вечера он думал, что дети любят его проще, теплее, чем Анну. Анна была правилами, он — воздухом. Анна — “надень шапку”, он — “давай мороженое”. Ему казалось, что любовь детей принадлежит ему по праву, как фамилия.

Но сейчас Соня стояла рядом с матерью.

Не с ним.

— Анна, — он сделал шаг ближе. — Нам нужно уехать. Всем. Сейчас. Не здесь.

— Куда? — спросила она. — Домой? В наш дом? Или в тот, где ты семь лет был другим отцом?

— Я не был другим.

— Нет? — Она усмехнулась. — Значит, и там был таким же?

Он сжал зубы.

Она научилась бить точно. Или просто впервые перестала щадить.

Вера Павловна подошла к ним.

— Марк, прекрати это унижение. Забери ребенка и поезжай домой. Анна остынет.

Анна медленно повернулась к ней.

— Я стою здесь.

— Я вижу.

— Тогда говорите со мной, а не над моей головой.

Мать Марка поджала губы. На секунду в ее лице мелькнуло то самое выражение, которого он боялся с детства: холодное разочарование. Она смотрела так, когда он приносил четверку вместо пятерки. Когда в пятнадцать лет сказал, что не хочет поступать туда, куда решил отец. Когда в двадцать восемь привел знакомить Анну и мать потом сказала: “Она хорошая, но слишком самостоятельная”.

Вера Павловна всегда умела делать любовь условной.

Марк вдруг почувствовал себя мальчиком, которого сейчас отругают при гостях.

— Мама, — сказал он глухо. — Хватит.

Она медленно повернула к нему голову.

— Хватит было семь лет назад.

Эта фраза прозвучала негромко, но Анна услышала. Соня тоже.

Марк понял это сразу по их лицам.

— То есть вы действительно знали, — сказала Анна.

Вера Павловна выпрямилась.

— Я знала, что мой сын совершил ошибку. И старалась, чтобы эта ошибка не уничтожила нормальную семью.

Тимур, стоявший чуть в стороне, поднял глаза.

Ошибка.

Семилетний мальчик услышал, как его назвали ошибкой.

Марк увидел это. Увидел, как что-то маленькое и хрупкое опустилось в его лице. Не слезы. Хуже. Привычка.

Наверное, он уже слышал это слово раньше.

От кого?

От Лины в минуты отчаяния?

От матери Марка, когда приходила к ним?

От самого Марка, когда думал, что ребенок спит?

Господи.

— Тимур, — сказал Марк и шагнул к нему.

Мальчик отступил.

Снова.

Марк остановился.

— Я не хотел…

Фраза развалилась во рту.

Чего именно он не хотел?

Рождения сына?

Скандала?

Лжи?

Боли Анны?

Слез Льва?

Взгляда Сони?

Он ведь правда не хотел всего этого. Но почему-то делал ровно то, что привело сюда.

— Папа, — сказал Лев вдруг.

Марк повернулся к нему с такой благодарностью, будто сын бросил ему веревку.

— Левушка…

— А ты нас бросишь?

Вопрос был детский. Прямой. Беспощадный.

Марк присел перед ним.

— Никогда.

— А его бросил?

Тишина стала плотной.

Лев показал глазами на Тимура.

— Ты его тоже папа. Почему он пришел на праздник как чужой?

Марк не смог ответить.

Потому что сын задал вопрос, на который не было красивой версии.

Анна закрыла глаза. На секунду ее лицо дрогнуло, и Марк почти физически почувствовал желание подойти, обнять, сказать: “Ань, ну все, хватит, давай без детей, я виноват, но давай потом”.

Потом.

Любимое слово всех трусов.

Он сам вдруг услышал, как часто прятался за ним.

— Потом скажу.

— Потом решим.

— Потом уйду.

— Потом признаю.

— Потом объясню.

А потом одна женщина вошла в зал с мальчиком за руку — и времени больше не осталось.

Телефон Марка завибрировал.

Все посмотрели на него.

Он достал аппарат. Номер неизвестный.

Марк хотел сбросить, но Анна сказала:

— Ответь.

Он встретился с ней глазами.

— Включи громкую связь, — добавила она.

— Это может быть рабочий звонок.

— Конечно.

Обычная Анна, возможно, промолчала бы. Сегодняшняя — нет.

Марк нажал на прием.

— Да.

Сначала в трубке был шум дороги. Потом мужской голос, низкий, спокойный:

— Она уехала.

Марк застыл.

— Кто это?

— Та, кого вы все сегодня так старались удержать.

Анна медленно подошла ближе.

— Где Лина? — спросил Марк.

— Пока жива.

Соня тихо выдохнула. Лев сильнее вцепился в руку матери. Тимур побледнел так, что стал почти прозрачным.

— Что значит “пока”? — спросила Анна.

Мужчина на том конце усмехнулся.

— А вы жена?

Марк сжал телефон.

— Говори со мной.

— С вами уже наговорились. Семь лет говорили. Толку мало.

— Где она?

— У нее было мало времени. Она просила передать: ключ у мальчика не просто так. И если вы попробуете забрать его силой, следующая копия уйдет туда, куда надо.

Вера Павловна резко схватилась за спинку стула.

Марк повернулся к ней.

Копия.

Он не знал о копии.

— Какая копия? — спросила Анна.

В трубке была пауза.

— Спросите у мужа, сколько стоит молчание женщины, которой обещали семью. Спросите у его матери, почему она платила не деньгами, а угрозами.

— Это ложь, — сказала Вера Павловна.

Слишком громко.

Мужчина рассмеялся.

— Вера Павловна, вы хотя бы сейчас не позорьтесь. У вас плохо получается изображать невинность.

— Кто вы? — спросила Анна.

— Человек, который не хочет, чтобы ребенок оказался у тех, кто считает его проблемой.

Тимур вдруг сделал шаг к телефону.

— Где мама? — спросил он.

Марк почувствовал, как у него сжалось сердце.

Там, в трубке, мужчина замолчал.

Когда он заговорил снова, голос стал мягче:

— Тимур?

— Где мама?

— Она сказала, чтобы ты был храбрым.

— Она придет?

Пауза длилась слишком долго.

— Она постарается.

Мальчик опустил голову.

Дети прекрасно понимают разницу между “да” и “постарается”.

— Послушайте, — Анна взяла у Марка телефон. Он не успел воспротивиться. — Кто бы вы ни были, если Лине угрожает опасность, нужно обращаться в полицию.

— Полиция приходит туда, где уже поздно.

— Тогда скажите, где она.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не знаю, кому из вас можно верить.

Анна посмотрела на Марка.

И это был ответ.

— Я перезвоню, — сказал мужчина.

— Подождите! — Анна повысила голос. — Что открывает ключ?

В трубке снова стало тихо.

Потом мужчина произнес:

— Ячейку. Там то, что ваш муж должен был уничтожить.

Связь оборвалась.

Марк стоял неподвижно.

Ему казалось, что зал сузился до трех вещей: телефон в руке Анны, ключ в ее другой ладони и глаза матери.

— Что в ячейке? — спросила Анна.

— Я не знаю.

Она смотрела на него долго.

— Марк.

— Я правда не знаю.

И это почти было правдой.

Он не знал, что именно Лина успела спрятать. Переписки? Расписки? Документы о переводах? Записи разговоров с его матерью? Тест ДНК? Письмо?

Или то, о чем она намекнула Анне по телефону.

“Тимур не должен был родиться один.”

Эти слова застряли у него в голове.

Он не понимал их. Или боялся понять.

Вера Павловна сказала:

— Этот ключ должен быть у нас.

Анна повернулась к ней.

— У нас?

— У семьи.

— Тимур тоже семья? — тихо спросила Соня.

Вера Павловна посмотрела на внучку и не ответила.

Вот и всё, подумал Марк.

Вот так рушится власть. Не от крика. Не от скандала. От вопроса ребенка, на который взрослый не может ответить, не показав себя настоящим.

Анна убрала ключ в сумочку.

Движение было небольшим, но Марк понял: она больше не отдаст.

— Анна, — сказал он. — Ты не понимаешь, во что вмешиваешься.

— Наконец-то, — ответила она. — Хоть одна честная фраза.

— Это может быть опасно.

— Для кого? Для меня? Для детей? Или для вашей репутации?

Он устало провел рукой по лицу.

— Я пытался защитить вас.

Анна посмотрела на него почти с жалостью.

— Нет, Марк. Ты защищал ту версию себя, в которой ты хороший муж, хороший отец и хороший сын. А мы все просто мешали этой версии развалиться.

Он хотел возразить.

Не смог.

Потому что она сказала правду так спокойно, что спорить было бессмысленно.

Охрана вернулась ни с чем. Мужчина ушел через черный вход. Лину не нашли. Гости начали расходиться, унося с собой куски чужой катастрофы. Кто-то пытался подойти к Анне, обнять, сказать “держись”, но она останавливала всех одним взглядом.

Марк наблюдал за ней и впервые за много лет видел не жену, к которой привык, а женщину, которую недооценил.

Ей было больно. Он видел. Но боль не сделала ее слабой.

Она стала холоднее.

Точнее.

Опаснее.

— Дети, одеваемся, — сказала Анна.

— Я поеду с вами, — сказал Марк.

— Нет.

— Анна, это и мой дом.

Она остановилась.

— Сегодня нет.

— Ты не можешь меня выгнать.

— Я могу не пустить тебя рядом с детьми, пока ты не расскажешь правду.

— Я их отец.

Анна посмотрела на Тимура.

— Это слово сегодня звучит не как право, Марк. А как обвинение.

Он замолчал.

Лев тихо плакал у ее бедра. Соня держала брата за плечи. Тимур стоял отдельно, не зная, имеет ли право идти за ними.

Анна посмотрела на него.

Марк задержал дыхание.

Сейчас она могла отвернуться. Могла сказать: “Это не мой ребенок”. Могла оставить Тимура с ним, с Верой Павловной, с охраной, с кем угодно. И имела бы право.

Но Анна подошла к мальчику.

Не обняла. Не приласкала. Просто присела перед ним так же, как недавно перед Львом.

— Тимур, — сказала она ровно. — Ты знаешь телефон кого-нибудь из взрослых, кому доверяла твоя мама?

Мальчик покачал головой.

— У вас дома есть соседка? Подруга мамы? Бабушка?

— Тетя Зоя снизу. Но мама сказала, если папа придет злой, не открывать никому.

Марк закрыл глаза.

Анна подняла взгляд на него.

В этом взгляде не было ненависти.

Только еще один гвоздь в крышку того, что он называл семьей.

— Хорошо, — сказала она мальчику. — Сейчас ты поедешь с нами. Временно. Пока мы не найдем твою маму.

— Нет, — резко сказала Вера Павловна.

Анна даже не повернулась.

— Вы больше не решаете, что будет с детьми.

— Он не твой сын.

Анна медленно поднялась.

Слова ударили по залу, как пощечина. Тимур вздрогнул, но не заплакал.

Анна посмотрела на Веру Павловну.

— Именно поэтому я не имею права поступить с ним так, как поступили вы.

Марк понял, что проиграл.

Не развод. Не суд. Не спор за ключ.

Он проиграл ту Анну, которая когда-то спрашивала его: “Ты скоро?” и верила ответу.

Она взяла Льва за руку, кивнула Соне и чуть заметно коснулась плеча Тимура.

Мальчик пошел.

Сначала осторожно. Потом быстрее, будто боялся, что передумают.

Марк сделал шаг за ними.

— Аня.

Она остановилась у выхода, но не обернулась.

— Не сейчас, Марк.

Он почти усмехнулся от горечи.

Его собственные слова вернулись к нему чужим приговором.

— Когда? — спросил он.

Анна повернула голову.

В ее глазах стояла такая усталость, будто за один вечер она прожила все семь лет его лжи.

— Когда у тебя появится правда, а не объяснение.

И ушла.

Двери закрылись.

В зале остались разбитые бокалы, погасшие свечи, недоеденный торт с цифрой пятнадцать и Вера Павловна, которая смотрела на сына так, будто это не она помогла ему спрятать жизнь, а он один разрушил ее порядок.

Марк медленно сел на стул.

Телефон в его руке снова завибрировал.

На экране высветилось новое сообщение с неизвестного номера:

“Она до вас не доедет. Но ключ уже у правильного человека.”

Следом пришла фотография.

Темная дорога. Разбитая фара. Женская сумка на асфальте.

И красное пятно рядом.

Марк вскочил так резко, что стул упал.

— Мама, — сказал он, не узнавая своего голоса. — Что ты сделала?

Вера Павловна побледнела.

Но впервые за вечер не ответила.

Глава 5. Домой

Такси пахло кожей, холодным воздухом и чужим молчанием.

Анна сидела на заднем сиденье между Львом и Тимуром. Соня устроилась впереди, рядом с водителем, хотя обычно Анна не разрешала ей сидеть спереди. Сегодня она не сказала ни слова. Сегодня все привычные правила казались смешными — как запрет на сладкое после того, как дом уже сгорел.

Лев прижимался к ней всем телом. Его маленькие пальцы вцепились в ее ладонь так крепко, будто если он отпустит, она исчезнет, как исчезла та женщина из ресторана.

Тимур сидел у окна.

Не плакал. Не спрашивал. Не шевелился.

Он был слишком тихим для ребенка, которого только что вырвали из одной жизни и бросили в другую. Анна краем глаза смотрела на его профиль: тонкий нос, мокрые ресницы, слишком взрослое выражение лица. Мальчик глядел в темное стекло, где отражались огни города, и будто пытался найти там ответ, почему его мать убежала, отец стоял как чужой, а теперь он едет домой к женщине, которую должен был ненавидеть просто за то, что она была настоящей женой его отца.

Настоящей.

Анна почти усмехнулась.

Какое жалкое слово.

Она была настоящей женой. С печатью, фамилией, общей квартирой, семейными фотографиями, ипотекой на дачу, родительскими чатами, годовщинами, болезнями, ссорами, примирениями, совместными счетами и двумя детьми.

А Лина была какой?

Ненастоящей?

Семь лет не бывают ненастоящими. Семь лет — это первый класс, выпавшие молочные зубы, дни рождения, кашель по ночам, новая обувь к осени, рисунки на холодильнике. Семь лет — это жизнь ребенка от рождения до сегодняшнего испуганного взгляда.

Анна сжала сумочку на коленях.

Внутри лежал ключ.

Маленький, металлический, холодный. Нелепо думать, что жизнь может изменить не только предательство, но и предмет размером с ноготь. Однако сейчас этот ключ казался тяжелее обручального кольца на ее пальце.

Кольцо.

Анна посмотрела на руку.

Тонкий золотой ободок сидел там, где был пятнадцать лет. Кожа под ним наверняка светлее, чем вокруг. Пятнадцать лет кольцо закрывало маленький участок тела от солнца, воды, воздуха, чужих взглядов. Как их брак, подумала Анна. Снаружи блестел, внутри оставлял след.

— Мам, — прошептал Лев.

— Да, родной?

— А папа приедет?

Соня на переднем сиденье напряглась. Даже водитель чуть заметно скосил глаза в зеркало, но сразу отвернулся.

Анна могла бы сказать: “Нет”. Хотела сказать. Пусть хоть один ответ сегодня будет твердым. Пусть у Льва появится стена, пусть даже хрупкая.

Но она больше не могла лгать детям.

— Не знаю, — сказала она.

Лев снова всхлипнул.

— Я не хочу, чтобы он приезжал.

Эта фраза ударила Анну неожиданно больно.

Еще утром Лев бегал по квартире с галстуком в руке и кричал: “Папа сказал, я сегодня главный мужчина после него!” Еще днем он выбирал, какую открытку вручит отцу и матери за столом. Еще час назад Марк был для него центром мира — веселым, сильным, своим.

Теперь ребенок не хотел, чтобы отец приезжал домой.

Как быстро можно потерять безопасность.

Как долго потом приходится ее собирать.

— Сейчас мы приедем домой, — сказала Анна. — Ты умоешься. Выпьешь воды. Ляжешь спать.

— Я не усну.

— Тогда просто полежишь. Я буду рядом.

— А он? — Лев еле заметно кивнул в сторону Тимура.

Тимур услышал. Конечно, услышал. Его плечи чуть поднялись, но он не повернулся.

Анна посмотрела на Льва.

— Тимур тоже переночует у нас.

— Почему?

Вопрос был простой. В нем не было злости. Только детское непонимание: почему мальчик, из-за которого все плачут, едет к ним домой?

Соня тихо сказала с переднего сиденья:

— Потому что его мама пропала, Лев.

Лев замолчал.

Тимур медленно повернул голову к Соне. Та не посмотрела на него. Сидела прямо, вцепившись пальцами в ремень безопасности.

— Она не пропала, — сказал Тимур.

Голос у него оказался тихий, но неожиданно твердый.

Анна посмотрела на него.

— Тимур…

— Она придет.

— Конечно, — быстро сказал Лев, будто испугался, что сделал мальчику больно. — Может, она просто… ну… спряталась.

Тимур снова отвернулся к окну.

— Мама не прячется. Она всегда возвращается.

Анна не нашла, что ответить.

Иногда надежда ребенка звучит как приговор взрослым.

У подъезда такси остановилось. Дом встретил их обычной желтой подсветкой окон, мокрым асфальтом, запахом осенних листьев и мусорного контейнера у дальнего угла. Ничего не изменилось. Та же лавочка, где соседки обсуждали дворника. Та же клумба, которую Анна весной помогала засаживать. Тот же шлагбаум, который Марк вечно забывал закрывать за машиной.

Только Анна больше не была той женщиной, которая отсюда уезжала.

Соня вышла первой. Резко, не дожидаясь, пока водитель откроет багажник. Багажника у них не было — только три ребенка, одна сумочка с ключом и целая разрушенная жизнь.

Тимур не двигался.

— Приехали, — сказала Анна мягко.

Он посмотрел на подъезд.

— Это ваш дом?

Ваш.

Не наш.

Не папин.

Ваш.

— Да, — ответила Анна.

— А папа здесь живет?

Лев снова напрягся.

Анна почувствовала, как старый ответ поднимается автоматически: “Конечно, он здесь живет”. Но проглотила его.

— Жил, — сказала она.

Соня обернулась.

В ее глазах вспыхнуло что-то острое. Не радость. Не облегчение. Скорее удивление: мать сказала это вслух.

Жил.

Слово было маленьким, но после него в воздухе появилась дверь.

Анна расплатилась с водителем. Они вошли в подъезд. Лифт ехал долго, скрипел, пахнул чужими духами и влажной шерстью. Лев держался за Анну. Тимур стоял в углу, прижав руки к бокам, будто боялся занимать лишнее место. Соня смотрела на цифры этажей.

Никто не говорил.

Когда дверь квартиры открылась, дом встретил их теплом и запахом ванили.

Утром Анна поставила в гостиной ароматическую свечу, чтобы после ресторана вернуться в уют. Какая смешная, жалкая предусмотрительность. Она хотела продлить праздник. Сделать так, чтобы гости разошлись, дети уснули, а она с Марком открыла бутылку вина и, может быть, впервые за долгое время поговорила не о расписании, а о них.

Теперь ванильный запах казался невыносимым.

Анна прошла в гостиную и увидела на комоде рамку с их свадебной фотографией.

Она в белом платье, молодая, тонкая, смеющаяся.

Марк рядом, обнимает ее за талию. Смотрит не в камеру — на нее. Так смотрит мужчина, который еще не лгал. Или уже умел, но ей хотелось верить, что нет.

Анна поставила сумочку на стол.

— Разувайтесь, — сказала она детям.

И эта фраза почти добила ее.

Разувайтесь.

Будто вечер был обычным. Будто они вернулись из кино, из гостей, с прогулки. Будто не было ресторана, Лины, Тимура, ключа, неизвестного мужчины, звонка, слов “не отдавайте ему”.

Лев начал расстегивать ботинки, но пальцы дрожали. Анна наклонилась помочь, и он вдруг обнял ее за шею.

— Мам, не отдавай меня папе.

Она замерла.

— Лев…

— Пожалуйста.

Внутри у Анны что-то разорвалось.

Она прижала сына к себе, чувствуя его горячий лоб, запах детского шампуня, мокрые ресницы у своей щеки.

— Никто тебя никуда не отдаст, — сказала она. — Слышишь? Никто.

Соня отвернулась.

Анна увидела, как дочь быстро вытерла глаза рукавом.

Тимур стоял у двери в ботинках.

— Можно я уйду? — спросил он.

Анна медленно поднялась.

— Куда?

— Домой.

— Ты не знаешь, где сейчас твоя мама.

— Я подожду ее там.

— Один?

Он пожал плечами.

— Я умею.

От этих слов Анне стало холодно.

Ребенок семи лет не должен “уметь” ждать один. Не должен произносить это спокойно, как навык: завязывать шнурки, читать по слогам, разогревать макароны, не бояться темной квартиры.

— Сегодня ты останешься здесь, — сказала Анна.

— Вы меня не хотите.

Лев замер.

Соня повернулась.

Анна смотрела на Тимура и понимала: он не спрашивает. Он знает. И от этого ей стало стыдно, потому что правда была сложнее жалости.

Она не хотела его.

Не так. Не здесь. Не после того, как его существование раскололо ее брак на две жизни.

Она не хотела видеть папины глаза на чужом детском лице. Не хотела слышать, как он говорит “мама” о женщине, которая семь лет была тенью в ее доме. Не хотела объяснять своим детям, почему этот мальчик будетспать в их квартире.

Но еще меньше она хотела стать взрослой, которая смотрит на испуганного ребенка и говорит: “Ты не моя проблема”.

— Я не знаю, что хочу, — честно сказала Анна. — Но я знаю, что ты ребенок. И сегодня тебе нельзя быть одному.

Тимур смотрел на нее подозрительно.

— Мама сказала, что вы будете меня ненавидеть.

Соня тихо выдохнула.

Анна почувствовала, как эти слова входят под кожу.

— Твоя мама многое знала лучше меня, — сказала она. — Но не это.

— Значит, не ненавидите?

Анна не смогла сказать “нет” сразу. Потому что дети слышат фальшь даже лучше взрослых.

Она присела перед ним, хотя еще недавно думала, что больше никогда не сможет смотреть на его лицо близко.

— Я злюсь, — сказала она. — Очень. Мне больно. Я пока не понимаю, что будет дальше. Но злиться на взрослых — не значит ненавидеть тебя.

Тимур моргнул.

Один раз. Второй.

Слезы у него стояли в глазах, но не падали.

Наверное, он тоже умел держаться.

Проклятое наследство взрослых.

— Снимай ботинки, — сказала Анна уже мягче. — Я дам тебе воду.

— Я не хочу пить.

— Тогда просто снимай ботинки.

Он подчинился.

Соня вдруг сказала:

— Он может спать в комнате Льва. Там есть раскладушка.

Лев резко поднял голову.

— Почему в моей?

— Потому что у меня он спать не будет, — ответила Соня.

— А я хочу с мамой.

— Сегодня все хотят с мамой, — бросила Соня. — Но мама одна.

Анна посмотрела на дочь.

Соня тут же отвернулась, будто сказала лишнее. Но Анна услышала не грубость. Усталость. Страх. И попытку хоть как-то помочь, не признавая, что помогает.

— Тимур поспит в гостиной, — решила Анна. — Я постелю на диване.

— А папа где будет? — спросил Лев.

Ответить не успела.

В дверь позвонили.

Все четверо замерли.

Звонок был короткий, резкий. Потом еще один. И еще.

Лев побледнел.

— Это он?

Соня схватила телефон со стола.

— Я не открою.

Анна подняла руку, призывая к тишине.

Звонок повторился.

Потом за дверью раздался голос:

— Аня. Открой.

Марк.

Одно слово — и квартира перестала быть убежищем.

Тимур отступил назад. Лев спрятался за Анну. Соня встала между коридором и гостиной, как недавно встала между отцом и мальчиком.

Анна подошла к двери, но не открыла.

— Уезжай, Марк.

— Нам надо поговорить.

— Нет.

— Аня, пожалуйста. Я не буду кричать. Я просто должен убедиться, что дети в порядке.

Анна посмотрела в глазок.

Марк стоял один. Без пальто, в том же костюме, растрепанный, с лицом человека, который бежал не от ресторана, а от самого себя.

На секунду ей захотелось открыть.

Не потому, что простила. Не потому, что поверила. Просто тело помнило: когда Марк за дверью, ему открывают. Муж приходит домой. Жена открывает.

Но сегодня за ее спиной стояли дети.

И она впервые поняла: привычка может быть опаснее любви.

— Дети в порядке, насколько это возможно после того, что ты сделал, — сказала она через дверь.

— Я должен увидеть Льва и Соню.

— Завтра.

— Анна, не наказывай меня детьми.

Она закрыла глаза.

Вот оно.

Началось.

Он уже нашел удобную формулировку: она наказывает. Она лишает. Она мстит. Еще немного — и он станет жертвой женской истерики, а она злой матерью, которая втягивает детей в конфликт.

Анна открыла дверь на цепочку.

Марк шагнул ближе, но цепочка звякнула.

Он посмотрел на металл между ними.

Потом на нее.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Это и мой дом.

— Сегодня это дом, где дети пытаются перестать дрожать.

Его лицо изменилось.

— Они боятся меня?

Анна молчала.

Марк перевел взгляд через щель. Увидел Льва. Сына, который стоял за матерью и не сделал ни шага к нему.

Марк побледнел.

— Левушка…

Лев спрятался сильнее.

Это было страшнее любой пощечины.

— Соня? — позвал Марк.

— Уходи, пап, — сказала она из глубины коридора.

Голос не дрогнул.

Анна знала, чего это ей стоило.

Марк закрыл глаза.

— Тимур с вами?

Тимур напрягся.

Анна почувствовала это, даже не оборачиваясь.

— Да.

— Я его отец.

— Тогда начни с того, чтобы не пугать его.

Марк резко посмотрел на нее.

— Я не пугаю его.

Из гостиной раздался тихий голос Тимура:

— Пугаешь.

Марк застыл.

В коридоре стало так тихо, что было слышно, как в кухне тикают часы.

— Тимур, — сказал Марк совсем другим голосом. — Я не хотел. Я просто…

— Ты сказал маме не приходить, — произнес мальчик. — А она пришла. Потом она ушла. А ты не пошел за ней.

Марк вздрогнул.

Анна смотрела на него через узкую щель открытой двери и вдруг увидела не предателя, не мужа, не успешного мужчину, а человека, который в один вечер стал чужим для всех своих детей.

И это не принесло радости.

Только усталость.

— Марк, уходи, — сказала она. — Завтра мы поговорим. С адвокатом. С полицией. С кем понадобится. Но не сегодня.

— Полиция уже ищет Лину, — сказал он.

Анна похолодела.

— Что значит ищет?

Марк провел рукой по лицу.

— Мне прислали фото. Похоже, авария. На дороге за городом. Машина Лины найдена пустой.

Тимур вскрикнул.

Маленький короткий звук.

Анна резко обернулась. Мальчик стоял в проходе, белый как бумага.

— Мама? — прошептал он.

Марк понял, что сказал это при ребенке.

Поздно.

Снова поздно.

Анна повернулась к нему так медленно, что он отступил на шаг.

— Ты сейчас уйдешь, — сказала она. — И если еще раз принесешь детям страшную новость через дверную щель, я сама вызову полицию уже на тебя.

— Аня…

— Уходи.

Она закрыла дверь.

Повернула замок.

Потом второй.

Цепочка дрожала еще несколько секунд.

Анна стояла, прислонившись лбом к холодному дереву, и слушала, как за дверью Марк не двигается. Потом его шаги наконец отдалились.

Лифт открылся. Закрылся.

И только тогда Тимур заплакал.

Не громко. Не истерично. Он просто сполз по стене на пол, закрыл лицо руками и начал повторять:

— Она придет. Она придет. Она всегда приходит.

Лев тоже заплакал. Соня стояла неподвижно, но по ее щекам текли слезы.

Анна опустилась перед Тимуром на колени.

Она не знала, имеет ли право его обнимать.

Не знала, оттолкнет ли он ее.

Не знала, выдержит ли сама.

Но мальчик вдруг сам ткнулся лбом ей в плечо.

И Анна обняла его.

Неловко. Осторожно. Сначала почти чужими руками.

Потом крепче.

Лев тут же прижался к ней с другой стороны. Соня не подошла, но села рядом на пол, спиной к стене.

Так они и сидели в прихожей: жена, дочь, сын и чужой мальчик, который плакал по своей пропавшей матери.

Где-то в сумочке на столе лежал ключ.

Где-то на темной дороге стояла разбитая машина.

Где-то Марк, возможно, впервые понимал, что слово “потом” больше никого не спасет.

А в этой квартире Анна впервые за вечер ясно осознала: домой она вернулась не с двумя детьми.

С тремя.

И ни один из них больше не верил взрослым.

Глава 6. Из старых сообщений

Телефон Лины нашли не сразу.

Он лежал не в сумке, не в кармане пальто и не в машине, которую полиция обнаружила ночью на мокрой обочине за городом. Его нашла соседка Лины — Зоя Степановна, женщина с тяжелой походкой, крашеными рыжими волосами и голосом, в котором за годы жизни на первом этаже поселилась вечная подозрительность.

Телефон лежал в почтовом ящике.

Зоя Степановна позвонила Анне утром.

— Это вы жена? — спросила она без приветствия.

Анна стояла на кухне в халате и смотрела, как на плите закипает чайник. За ночь она не спала ни минуты. Только сидела на краю кровати Льва, потом на диване в гостиной рядом с Тимуром, потом у двери Сони, слыша за ней тихое дыхание дочери и понимая: Соня тоже не спит.

— Какая жена? — спросила Анна, хотя поняла сразу.

— Законная. Марка этого.

Анна закрыла глаза.

Законная.

После вчерашнего это слово звучало не как статус, а как насмешка.

— Да, — сказала она. — Я Анна.

— Тимур у вас?

— У меня.

— Слава богу, — выдохнула женщина, и в этом выдохе было столько настоящего облегчения, что Анна напряглась. — А то я всю ночь глаз не сомкнула. Квартира открыта, Линки нет, мальчишки нет. Думала, забрали.

— Кто?

— Да кто ж их разберет, голубушка. У богатых свои псы.

Анна медленно поставила чашку на стол.

— Вы что-то знаете?

— Я знаю, что Линка не дура была. И если телефон свой в ящик сунула, значит, не просто так. У нас ящики старые, ключ один у нее, второй у меня. Она иногда просила почту забирать, когда уезжала.

Анна почувствовала, как внутри снова оживает вчерашний холод.

— Телефон у вас?

— У меня. Только я этому Марку не отдам. И матери его не отдам. Я их видела. Хватит.

Из коридора донесся шорох.

Анна обернулась. У дверного проема стоял Тимур.

В чужой футболке Льва, слишком широкой в плечах. Волосы взъерошены, лицо серое после бессонной ночи. Он смотрел на нее так внимательно, будто каждое слово могло решить, жива его мама или нет.

— Это про маму? — спросил он.

Анна не успела ответить.

Зоя Степановна в трубке услышала детский голос и почти закричала:

— Тимурка? Тимурка, это ты?

Мальчик бросился к Анне.

— Тетя Зоя?

Анна включила громкую связь и присела рядом с ним.

— Тетя Зоя, мама пришла? — спросил Тимур.

На том конце стало тихо.

Эта тишина была хуже любого ответа.

— Нет пока, зайчик, — наконец сказала соседка. — Но она умная у нас. Выпутается. Ты главное слушайся… — Зоя запнулась. — Слушайся Анну.

Тимур посмотрел на Анну.

Не доверчиво. Не тепло. Осторожно.

Как человек, которому предлагают мост через пропасть, а он уже видел, как ломаются мосты.

— Она не моя, — сказал он.

Анна почувствовала, как фраза кольнула.

Зоя Степановна ответила быстро:

— Зато сейчас рядом. А это, Тимурка, бывает важнее, чем “моя”.

Мальчик опустил глаза.

Анна забрала телефон с громкой связи.

— Я приеду, — сказала она.

— Не одна, — сразу отрезала Зоя Степановна. — И не с Марком. Я сказала — ему не дам.

— Я приеду с дочерью.

— С девочкой?

— Да.

— Ладно. Только быстро. И чтобы без хвоста.

Анна хотела спросить, что значит “без хвоста”, но Зоя уже отключилась.

На кухне стало тихо.

Тимур стоял рядом, босой, с маленькими сжатыми кулаками.

— Я с вами, — сказал он.

— Нет.

— Это мамин телефон.

— Именно поэтому ты не поедешь.

— Вы его тоже спрячете?

Анна устало провела рукой по лицу.

Она слишком мало спала, слишком много потеряла и слишком плохо понимала, как разговаривать с ребенком, который видел в ней одновременно врага, спасение и чужую взрослую женщину в доме отца.

— Тимур, я не буду ничего прятать от тебя специально. Но сейчас я должна понять, что происходит.

— Все говорят “должна”, а потом решают без меня.

Анна замерла.

В дверях появилась Соня. В спортивных штанах, с распущенными волосами, бледная. Она, кажется, давно стояла в коридоре.

— Потому что тебе семь, — сказала она сухо. — А взрослые уже все испортили. Дай хоть кому-то не испортить еще хуже.

Тимур посмотрел на нее с обидой.

— Ты меня ненавидишь.

— Да.

Анна резко повернулась:

— Соня.

— Что? — дочь смотрела прямо. — Он же слышит, когда мы врем. Лучше так.

Тимур побледнел, но не заплакал.

— Я тебя тоже, — сказал он.

— Отлично, — ответила Соня. — Значит, договорились.

Она развернулась и ушла.

Анна закрыла глаза.

Материнство, как выяснилось, не дает инструкции на случай, если твоя дочь ненавидит внебрачного сына твоего мужа, а ты должна заварить всем чай и поехать за телефоном его пропавшей матери.

— Она злая, — тихо сказал Тимур.

— Она ранена.

— Я ее не трогал.

— Знаю.

— Тогда почему?

Анна посмотрела на него.

Вот вопрос, который хотелось задать всем взрослым этого мира: почему дети должны понимать боль, которую не создавали?

— Потому что иногда люди кричат не на того, кто виноват, а на того, кто рядом, — сказала она.

Тимур нахмурился.

— Вы тоже так делаете?

Анна хотела сказать “нет”.

Но вспомнила, как вчера смотрела на его лицо и думала: не хочу. Не здесь. Не после всего.

— Да, — сказала она честно. — Иногда.

Он кивнул, будто поставил ей маленькую отметку: не соврала.

Через полчаса Анна и Соня уже ехали в такси к дому Лины.

Льва она оставила с матерью, которую срочно вызвала утром. Тимур остался там же, но не отходил от окна, будто если будет смотреть достаточно внимательно, увидит, как мама возвращается во двор.

Соня сидела рядом с Анной и молчала. На коленях держала рюкзак. В него сама положила зарядку, блокнот, ручку и свой старый телефон “на всякий случай”.

— Ты не обязана ехать, — сказала Анна.

— Обязана.

— Почему?

Соня посмотрела в окно.

— Потому что я взяла ключ. Значит, я уже внутри.

Анна не стала спорить.

Иногда дети входят во взрослую беду не потому, что им разрешили, а потому что дверь забыли закрыть.

Дом Лины оказался обычной серой многоэтажкой в старом районе. Во дворе стояли облезлые качели, две машины без номеров и лавочка с шелухой от семечек. Никакой тайной роскоши. Никакого “гнездышка любовницы”, которое Анна невольно представляла в те минуты, когда позволяла себе ненавидеть незнакомую женщину.

Обычный дом.

Обычная жизнь.

Обычная женщина с ребенком, которая семь лет ждала невозможного.

Зоя Степановна встретила их у подъезда. Низкая, плотная, в шерстяной кофте поверх домашнего платья. В одной руке держала телефон в прозрачном пакете для продуктов.

— Вы Анна? — спросила она.

— Да.

Женщина осмотрела ее с ног до головы.

— Красивая.

Анна не поняла, к чему это.

Зоя Степановна усмехнулась без радости:

— Линка тоже была красивая. Мужики любят красивых сталкивать лбами. Сами потом стоят в стороне, будто не при делах.

Соня фыркнула.

Анна бросила на нее взгляд, но дочь впервые за утро выглядела почти живой.

— Где телефон? — спросила Анна.

— Здесь.

Зоя не отдала сразу. Сначала крепче сжала пакет.

— Вы мне скажите честно. Тимур у вас в безопасности?

— Насколько я могу это обеспечить.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Зоя посмотрела на нее долго. Потом кивнула.

— Лучше честная слабость, чем чужая уверенность.

Она протянула пакет.

Телефон был старый, с трещиной в углу экрана и наклейкой динозавра на чехле. Наверное, Тимур клеил. От этой маленькой нелепой наклейки Анне неожиданно стало больно.

— Пароль знаете? — спросила она.

— Нет. Но Линка иногда говорила: “Если со мной что, Тимур вспомнит”. Я думала, драму разводит. А оно вон как.

Соня взяла телефон, нажала кнопку. Экран загорелся: заставка с фотографией Тимура на море. Мальчик стоял по колено в воде, смеялся и держал в руках красное ведерко.

Анна смотрела на снимок и понимала: у Марка были фотографии этого ребенка?

В телефоне? В тайной папке? В переписке? Смотрел ли он на них, сидя рядом с Львом? Поздравлял ли Тимура с днем рождения, а потом приходил домой и целовал Анну в щеку?

— Нужен пароль, — сказала Соня.

— Тимур сказал бы, — ответила Анна.

— Можно попробовать дату рождения.

— Его?

— Или ее.

Соня набрала четыре цифры. Телефон дрогнул: неверно.

Еще попытка.

Неверно.

— Стой, — сказала Анна. — Заблокируется.

Зоя Степановна поморщилась.

— У Линки был блокнот. Может, там. Пойдемте.

— В квартиру?

— А куда? На лавочке тайны разбирать?

Квартира Лины была на третьем этаже.

Дверь открылась с трудом. Внутри пахло детским шампунем, кофе и чем-то тревожным — не запахом даже, а оставленным наспех воздухом. В прихожей стояли маленькие кроссовки Тимура, женские ботинки, зонт с оторванной ручкой. На крючке висела синяя куртка мальчика.

Анна не сразу смогла переступить порог.

Соня прошла первой.

— Мам?

Анна вздрогнула.

Мам.

В этой квартире это слово принадлежало другой женщине.

Комната была чистой, но бедной. Не нищей — просто без лишнего. Диван с пледом. Стол у окна. Полка с детскими книгами. На холодильнике магнитики, расписание уроков, рисунок: дом, женщина, мальчик и мужчина. Мужчина был нарисован рядом, но отдельно, словно ребенок сам чувствовал дистанцию, даже когда рисовал мечту.

У Анны сжалось горло.

— Где ее вещи? — спросила Соня.

— Спальня там, — сказала Зоя. — Только ничего не трогайте без меня.

— Вы нам не доверяете? — спросила Соня.

— Никому не доверяю. Доживете до моих лет — тоже перестанете.

В спальне Лины стояла узкая кровать, шкаф, туалетный столик. На зеркале — фотография Тимура в школьной форме и маленькая открытка с кривыми буквами: “Мама, ты лутшая”.

Соня взяла открытку, прочитала и аккуратно поставила обратно.

Анна заметила.

Ненависть дочери дала первую трещину.

— Блокнот, — напомнила Зоя.

Они нашли его в ящике стола. Обычный, серый, с резинкой. Внутри были списки покупок, телефоны врачей, расписание кружка робототехники, суммы расходов, заметки для работы.

И несколько страниц, вырванных почти до корешка.

— Кто-то был здесь, — сказала Соня.

Зоя нахмурилась.

— Я вчера после ресторана заходила. Дверь была закрыта, ничего не валялось.

Анна посмотрела на ящик.

Пустое место внутри было слишком аккуратным. Не обыск. Не хаос. Кто-то знал, что ищет.

Телефон в руках Сони вдруг завибрировал.

Все трое вздрогнули.

На экране появилось уведомление о новом сообщении в мессенджере. Отправитель: “Кира”.

Соня быстро прочитала всплывающий текст:

“Лин, я все удалила у себя, как ты просила. Но если ты не выйдешь на связь до вечера, я иду в полицию.”

— Кира? — спросила Анна.

Зоя кивнула.

— Подруга ее. С работы вроде. Или раньше вместе снимали. Не знаю точно.

— Нужно ответить.

— Телефон заблокирован, — сказала Соня.

Она смотрела на заставку с Тимуром.

— Пароль может быть не дата. Может быть слово.

— На цифрах?

— Тогда код. Что-то важное для них.

Анна посмотрела на фотографию мальчика на море.

— Тимур вспомнит, — сказала она тихо.

Зоя подошла к полке и взяла маленькую деревянную машинку.

— Она говорила: “Если со мной что, Тимур вспомнит”. Может, не пароль. Может, место.

— Какое место?

— Да кто ее знает.

Соня вдруг подняла голову.

— Мама.

— Что?

— Вчера Тимур сказал: “Мама всегда возвращается”. А еще в такси: “Она не прячется”. Может, у них была фраза.

Анна достала свой телефон и позвонила домой.

Мать ответила почти сразу.

— Анечка, у вас всё…

— Мам, дай Тимуру трубку. Срочно.

Шорох. Потом тихий голос:

— Да?

— Тимур, это Анна. Мы нашли телефон твоей мамы.

Мальчик резко вдохнул.

— Она звонила?

— Пока нет. Но нам нужен пароль. Тетя Зоя сказала, что ты можешь вспомнить.

Пауза.

— Я не знаю пароль.

— Может, это не дата. Может, ваша фраза. Что-то, что мама говорила тебе, если было страшно.

Тимур молчал.

Анна услышала, как он дышит. Неровно, часто.

— Она говорила… — начал он. — Она говорила: “Если темно, ищи…”

Он замолчал.

— Что искать, Тимур?

— Свет.

Соня уже набирала цифры, но остановилась.

— Свет — это четыре буквы. На кнопочной раскладке: С-7, В-2, Е-3, Т-8? Или английское light?

Телефон требовал шестизначный код.

— Шесть цифр, — сказала Соня.

Анна закрыла глаза.

— Тимур, может, она говорила еще что-то?

Мальчик всхлипнул.

— “Если темно, ищи свет. Если страшно — считай до семи”.

Соня набрала: 070707.

Неверно.

— Не то, — сказала она.

— Может, до семи, потому что ему семь? — предположила Зоя.

Соня набрала дату рождения Тимура полностью — шесть цифр.

Экран дрогнул.

Открылся.

Все замерли.

Тимур в трубке спросил:

— Получилось?

Анна почувствовала, как глаза жжет.

— Да, — сказала она. — Получилось.

— Там мама?

— Мы посмотрим.

— Только не удаляйте ее голос, ладно?

Анна не смогла ответить сразу.

— Не удалим.

Она отключилась.

Соня открыла мессенджер. Сообщений было много. Слишком много. Непрочитанные от Киры, от Зои, от неизвестного номера. Закрепленный чат с именем “Тимурка школа”. И ниже — чат без фотографии.

Имя: М.

Анна не хотела открывать.

Но открыла.

Последняя переписка была вчерашней.

Лина: “Я устала быть вашей тенью.”

М.: “Не начинай.”

Лина: “Он спросил, почему у папы на работе есть выходные для всех, кроме него.”

М.: “Я приеду на неделе.”

Лина: “Ты семь лет приезжаешь на неделе.”

М.: “Не дави.”

Лина: “Сегодня юбилей?”

М.: “Лина.”

Лина: “Пятнадцать лет ей. Семь лет нам. Красиво делишь жизнь.”

М.: “Не приезжай.”

Лина: “Я больше не буду ждать.”

М.: “Не смей.”

Лина: “Сегодня он узнает отца.”

М.: “Ты разрушишь всем жизнь.”

Лина: “Нет, Марк. Я просто перестану спасать твою.”

Анна читала и не чувствовала ничего.

Это было самое страшное.

Боль, которая ночью разрывала ее на части, будто отошла в сторону, уступив место пустоте. Марк писал Лине теми же короткими фразами, которыми писал Анне, когда не хотел разговоров.

“Не начинай.”

“Не дави.”

“Я приеду.”

“Потом.”

Он не был другим с Линой.

Он был тем же.

Просто лгал в две стороны.

Соня взяла телефон из рук Анны и пролистала выше. Все быстрее, злее.

— Соня, не надо.

— Надо.

— Это не для тебя.

Дочь вдруг посмотрела на нее.

— А для кого? Для тебя одной? Ты опять всё проглотишь, чтобы мы не видели?

Анна молчала.

Соня тут же поняла, что ударила в больное, но не извинилась.

Она продолжила читать.

Сообщения шли годами. Сначала нежные. Потом тревожные. Потом отчаянные. Фотографии Тимура младенцем. Марк отвечал сердечком. Тимур на утреннике. “Молодец”. Лина с температурой просит приехать. “Не могу, Лев заболел”. Лина пишет: “Он тоже твой сын”. Марк отвечает через три часа: “Не надо сравнивать”.

Соня побледнела.

— Он… — Она сглотнула. — Он был у него на днях рождения?

Анна не ответила.

Они обе знали ответ: иногда да, иногда нет. Наверное, приезжал не в сам день. Привозил подарок. Целовал в макушку. Уезжал домой, где Лев задувал свечи на своем торте, а Соня фотографировала отца на телефон.

Две жизни.

Не параллельные.

Пересекающиеся в одном мужчине, которому хватало наглости называть обе любовью.

Зоя Степановна стояла у окна и смотрела во двор.

— Я Линке говорила, — произнесла она глухо. — Не жди женатого. Жена у него не болезнь, сама не пройдет. А она: “Он хороший, просто запутался”. Хорошие так не путаются, девочки. Хорошие сначала развязывают старый узел, а потом новый вяжут.

Соня открыла чат с Кирой и написала:

“Это Анна, жена Марка. Лина пропала. Телефон у меня. Позвоните срочно.”

Ответ пришел через пять секунд.

“Господи. Она успела отдать ключ?”

Анна взяла телефон.

“Да.”

Кира:

“Тогда не идите в ячейку одна. И не берите Марка. Там не только про Тимура.”

Анна перестала дышать.

Соня прошептала:

— Что значит “не только про Тимура”?

Телефон снова завибрировал.

Кира написала:

“У Лины была девочка.”

Анна смотрела на экран и не могла понять смысл.

Соня прочитала вслух:

— У Лины была девочка…

Зоя Степановна резко повернулась.

— Что?

Пришло следующее сообщение:

“Она родилась раньше Тимура. И умерла. Лина считала, что не сама.”

Анна медленно опустилась на край кровати.

В комнате Лины висела фотография Тимура, стояла открытка “Мама, ты лучшая”, лежала детская машинка, пахло пылью, кофе и чужой бедой.

А в руке у Анны дрожал телефон с новой правдой.

Не любовница.

Не один ребенок.

Не семь лет.

Больше.

Гораздо больше.

Соня прошептала:

— Мам…

Анна подняла глаза на дочь.

И впервые за эти сутки увидела в ее лице не злость.

Страх.

Телефон снова мигнул.

Кира прислала последнее сообщение:

“Если Вера Павловна узнает, что ключ у вас, она придет не за Марком. Она придет за вами.”

Глава 7. Авария

Анна раньше думала, что страх — это когда сердце бьется быстро.

Теперь она знала: настоящий страх делает сердце тяжелым.

Оно не колотится, не рвется наружу, не стучит в ребра. Оно опускается куда-то ниже, в живот, в ноги, в пол, и ты стоишь посреди чужой квартиры с телефоном пропавшей женщины в руках, а внутри тебя становится так тихо, будто организм решил: бежать уже поздно.

“Если Вера Павловна узнает, что ключ у вас, она придет не за Марком. Она придет за вами.”

Сообщение от Киры горело на экране.

Соня стояла рядом, бледная, с губами, сжатыми до белизны.

Зоя Степановна перекрестилась. Быстро, почти сердито, словно была недовольна собой за эту слабость.

— Вот ведь… — пробормотала она. — Я знала, что там не просто мужик-гуляка. Знала.

Анна подняла на нее глаза.

— Что вы знали?

— Что мать его не к добру ходит. Линка после нее сама не своя была. Сидела на кухне, руки трясутся, а Тимурке улыбается: “Все хорошо, солнышко, иди мультик смотри”. Я один раз спросила, чего эта старуха хочет. Лина сказала: “Чтобы нас не было”.

Соня резко вдохнула.

— В смысле?

Зоя посмотрела на нее с усталой жалостью.

— В прямом, девочка. Только богатые люди редко говорят прямо. Они говорят “подумайте о будущем ребенка”, “не разрушайте чужую жизнь”, “вам же будет лучше уехать”. А если не понимаешь — находятся те, кто объясняет грубее.

Анна снова посмотрела на экран.

Пальцы сами набрали ответ Кире:

“Что значит была девочка? Кто она?”

Сообщение ушло.

Три секунды. Пять. Десять.

Ответа не было.

Анна позвонила.

Гудки шли долго.

Один. Второй. Третий.

На пятом вызов сбросили.

Соня взяла телефон из ее рук и написала быстрее, чем Анна успела остановить:

“Это Соня, дочь Марка. Ответьте. Моя мама ничего не понимает. Мы в квартире Лины.”

— Соня!

— Что? — Дочь посмотрела зло. — Думаешь, если писать вежливо, она расскажет тайну про мертвого ребенка мягче?

Анна хотела осадить ее, но не смогла.

Потому что Соня была права.

Вежливость закончилась в тот момент, когда Лина вошла в зал с Тимуром за руку.

Телефон завибрировал.

Кира:

“Уходите из квартиры. Сейчас.”

Следом:

“Я не могу говорить. Мне звонили с номера В.П. Они знают, что телефон у вас.”

Анна почувствовала, как холодная волна поднялась к горлу.

— Нам нужно уходить, — сказала она.

Зоя Степановна уже метнулась в прихожую, несмотря на возраст и тяжелую походку.

— Я же говорила, без хвоста надо было! Может, у подъезда кто стоит.

— Мы приехали на такси.

— Такси тоже люди вызывают. Люди видят. Люди звонят.

Соня крепче сжала рюкзак.

— Мам, а ключ?

Анна машинально коснулась сумки.

Ключ был при ней. Переложенный утром из вечерней сумочки в обычную кожаную, где между влажными салфетками, помадой и старым чеком из аптеки теперь лежала вещь, из-за которой исчезла женщина.

Возможно, не одна.

— У меня.

— Тогда идем.

В коридоре квартиры Лины Анна остановилась.

Она не знала почему. Может быть, потому что воздух здесь был слишком живой: на полке стояла кружка с недопитым чаем, на спинке стула висела детская кофта, в раковине лежала ложка с засохшей кашей. Все говорило: человек вышел ненадолго.

Человек собирался вернуться.

Анна посмотрела на фотографию Тимура на холодильнике. На детский рисунок, где мужчина стоял рядом, но отдельно. На магнит в виде моря.

“У Лины была девочка.”

Где ее фотография?

Если девочка существовала, если родилась и умерла, почему в квартире не было ни одного видимого следа? Ни рамки, ни игрушки, ни свечи, ни имени. Только тишина вокруг пустого места.

Или следы были спрятаны.

Так же, как телефон.

Так же, как ключ.

— Анна! — позвала Зоя из прихожей. — Живее!

Анна вышла.

Они спустились по лестнице, не вызывая лифт. На втором этаже хлопнула дверь, из-за которой выглянула старушка в халате, но Зоя шикнула:

— Нина Петровна, потом!

У подъезда было пусто.

Слишком пусто.

Двор днем выглядел почти мирно. Дворник сгребал мокрые листья, женщина в пуховике тянула за собой собаку, у песочницы спорили две мамы с колясками. Обычная жизнь не имела понятия, что в трех шагах от нее у людей рушатся судьбы.

— Такси сюда не вызывайте, — сказала Зоя. — Идите через арку, там магазин. Оттуда.

— Вы с нами? — спросила Анна.

— Я? — Зоя усмехнулась. — Я у себя дома. Пусть попробуют. А вот вы с девочкой — уходите. И Тимурку берегите.

Она вдруг схватила Анну за руку.

Крепко.

— Слышите? Линка глупая была насчет мужиков, но мать хорошая. Если сказала не отдавать, значит, знала почему.

Анна кивнула.

Соня уже тянула ее к арке.

Они почти дошли до прохода между домами, когда у обочины медленно остановилась черная машина.

Не резко. Не с визгом тормозов. Именно медленно, спокойно, как останавливаются люди, которые не боятся быть замеченными.

Соня увидела первой.

— Мам.

Анна не повернула голову сразу. Только краем глаза заметила темный кузов, закрытые окна, блеск хрома. Машина была незнакомая. Но в ней было что-то такое, что заставило ее тело среагировать раньше разума.

— Не беги, — тихо сказала она.

— А я и не собиралась, — прошептала Соня.

Они пошли быстрее.

Дверь машины открылась.

Из нее вышел мужчина в темном пальто. Не тот, что был вчера в ресторане. Этот был старше, ниже, с гладко выбритым лицом и выражением служебной вежливости.

— Анна Сергеевна, — позвал он.

Соня выругалась шепотом.

Анна остановилась.

Не потому, что хотела. Потому что если человек знает твое имя, спина сама каменеет.

— Мы знакомы? — спросила она.

Мужчина улыбнулся.

— Не лично. Вера Павловна просила передать, что вам лучше не совершать ошибок.

Соня схватила мать за рукав.

— Пойдем.

Анна смотрела на мужчину.

— Передайте Вере Павловне, что советы я больше принимаю только от адвоката.

Улыбка мужчины не изменилась.

— Это не совет.

— Тогда тем более.

Она сделала шаг, но он произнес:

— В машине дети.

Анна замерла.

Соня тоже.

— Что?

Мужчина кивнул в сторону машины.

— Ваш младший сын и мальчик. Тимур.

Мир на секунду стал белым.

Анна не услышала ни двора, ни машин, ни собственного дыхания.

— Это ложь, — сказала Соня.

Но голос у нее сорвался.

Анна уже доставала телефон. Пальцы не попадали по экрану. Она набрала мать.

Один гудок.

Второй.

Третий.

Ответ.

— Аня? — голос матери был напряженным.

— Где дети?

— Дома. Лев смотрит мультики, Тимур сидит у окна. Почему ты…

Анна закрыла глаза, и ноги едва не подогнулись.

Соня выдохнула так громко, будто ее ударили.

Мужчина продолжал улыбаться.

— Проверили? Хорошо. Значит, вы понимаете, как быстро это может измениться.

Анна медленно опустила телефон.

Страх внутри нее стал холодной злостью.

— Угрожаете детям?

— Предупреждаю, что вы забрали не своего ребенка и вмешались в обстоятельства, которые не понимаете.

— А вы понимаете?

— Достаточно.

— Тогда объясните Вере Павловне, что если хоть кто-то подойдет к моим детям, я пойду в полицию, в прессу, в интернет, к адвокатам, куда угодно. И первым делом расскажу, что мать моего мужа присылает мужчин угрожать женщине и детям после исчезновения любовницы ее сына.

Мужчина чуть прищурился.

Видимо, такой реакции он не ожидал.

Соня смотрела на мать широко раскрытыми глазами.

— Вы думаете, вам поверят? — спросил он.

Анна сделала шаг ближе.

— После вчерашнего вечера? Поверьте, у меня достаточно свидетелей, которые с радостью расскажут любую грязь. Ваша хозяйка сама превратила нас в спектакль. Теперь пусть боится зрителей.

Улыбка мужчины исчезла.

— Вы пожалеете.

— Я уже жалею, — сказала Анна. — Что пятнадцать лет была вежливой.

Она взяла Соню за руку и пошла к арке.

На этот раз мужчина не остановил.

Только когда они уже сворачивали за угол, Анна услышала, как хлопнула дверь машины.

Соня вцепилась в нее так, будто снова стала маленькой.

— Мам, я думала…

— Я тоже.

— Он сказал про детей.

— Знаю.

— Надо возвращаться домой.

— Сначала отойдем отсюда. Потом вызовем такси.

— А если они поедут за нами?

— Тогда будем думать.

— Ты не боишься?

Анна хотела сказать: “Нет”.

Но ложь детям закончилась вчера.

— Боюсь, — сказала она. — Очень.

Соня кивнула.

— Я тоже.

И почему-то именно это признание связало их крепче, чем любые объятия.

Такси они вызвали от аптеки через два квартала. Пока ждали, Анна снова набрала Киру. На этот раз та ответила.

— Вы ушли? — спросила она сразу.

Голос был молодой, хриплый, задыхающийся.

— Да. Кто вы?

— Подруга Лины. Бывшая коллега. Неважно. Телефон у вас?

— Да.

— Ключ?

Анна посмотрела на Соню.

— Да.

— Не ходите к ячейке сегодня.

— Почему?

— Потому что они будут ждать. Лина так и думала.

— Кто “они”?

Кира нервно рассмеялась.

— Вы правда хотите список? Марк, его мать, юрист их семейный, люди, которым платят, чтобы не оставалось следов.

— Кира, что случилось с Линой?

Пауза.

— Я не знаю.

— Но вы знаете про девочку.

На том конце стало тихо.

Анна услышала, как Кира то ли закрыла окно, то ли вышла из шумного места в более тихое.

— Это не телефонный разговор.

— У меня в доме ее сын. Его мать пропала. Мне угрожают люди Веры Павловны. Так что выбирайте: либо вы говорите сейчас, либо я еду в полицию и отдаю им телефон.

— Не отдавайте! — почти крикнула Кира.

Соня напряглась.

— Почему?

— Потому что у Веры Павловны там свои люди. Не везде, но достаточно, чтобы документы исчезали раньше заявлений.

Анна закрыла глаза.

Конспирология, подумала бы она еще два дня назад.

Бред. Преувеличение напуганной женщины.

Но два дня назад ее муж не имел семилетнего сына от другой женщины.

— Говорите, — сказала Анна.

Кира выдохнула.

— Девочку звали Маша. Она родилась почти за два года до Тимура. Лина тогда уже была с Марком.

Анна почувствовала, как Соня резко повернулась к ней.

Почти за два года до Тимура.

Значит, не семь лет.

Девять.

— Марк знал? — спросила Анна.

— Да.

Анна прижала руку к груди.

— Он… признал ее?

— Нет. Тогда всё было хуже. Лина была молодая, глупая, без денег. Марк сказал, что поможет, но официально ничего нельзя. Потом появилась Вера Павловна. Она убедила Лину уехать рожать в частную клинику за городом. Обещала оплатить. Обещала, что после родов Марк “всё решит”.

— И?

— Девочка родилась слабой. Но жила.

— Что значит “жила”?

Кира молчала.

— Кира.

— Лине сказали, что ребенок умер ночью. Не пустили проститься. Документы дали позже. Марк тогда был “в командировке”. Вера Павловна всё оформляла.

Анна почувствовала тошноту.

Соня прошептала:

— Господи.

— Лина долго верила, что это была трагедия, — продолжила Кира. — Потом забеременела Тимуром. И когда Вера Павловна снова начала настаивать на “правильной клинике”, Лина испугалась. Родила в другом месте. Сама. Почти без денег. Марк приехал уже после.

— Почему она думала, что Маша умерла не сама?

— Потому что три месяца назад ей пришло письмо.

— От кого?

— Без имени. Там была фотография девочки. Живой. Лет восьми.

Анна перестала дышать.

— Что?

— Девочка была похожа на Лину. И на Марка. На обратной стороне было написано: “Не все дети умирают, Лина. Некоторые просто становятся удобными чужим людям”.

Соня закрыла рот ладонью.

Мимо аптеки прошла женщина с пакетом хлеба, разговаривая по телефону о картошке и скидках. Мир продолжал существовать в своем обычном, невозможном виде.

— Где эта фотография? — спросила Анна.

— В ячейке. Вместе с документами, копиями переводов, переписками и записью разговора с Верой Павловной.

— Какой записью?

— Где она говорит Лине, что если та полезет к семье Марка, Тимур может “повторить судьбу сестры”.

Анна пошатнулась.

Соня успела подхватить ее за локоть.

— Мама…

Анна кивнула: стою, жива, слышу.

Но внутри что-то менялось.

Еще утром она думала о разводе, унижении, предательстве. О том, как пережить, как объяснить детям, как не сломаться.

Теперь все это казалось только входной дверью в темный дом.

За ней было нечто другое.

Не измена.

Преступление.

— Лина поехала к ячейке вчера? — спросила Анна.

— Не знаю. Она написала мне: “Если я не выйду на связь, у Анны будет ключ. Она должна узнать про Машу”. Потом пропала.

— Почему я? — Анна сказала это почти шепотом.

— Что?

— Почему она решила отдать ключ мне? Я для нее никто.

Кира ответила не сразу.

— Она говорила: “Анна имеет право ненавидеть меня. Но она мать. Она поймет, что детей нельзя отдавать Вере Павловне”.

Соня отвернулась.

Анна смотрела на серое стекло аптеки и видела в отражении себя: бледную женщину в пальто, с растрепанными волосами, с чужим телефоном в руке. Вчера она была женой, которую предали. Сегодня стала человеком, которому доверили страшную правду только потому, что она мать.

Такое доверие не согревает.

Оно кладет на плечи груз.

— Где ячейка? — спросила Анна.

— Я не скажу по телефону.

— Кира.

— Нет. Я встречусь с вами. Но не сегодня вечером. Завтра утром. В людном месте. И, Анна…

— Что?

— Не говорите Марку про Машу.

Анна закрыла глаза.

Марк.

Отец Сони. Отец Льва. Отец Тимура.

И, возможно, отец девочки, которую у матери забрали под видом смерти.

— Почему?

— Потому что Лина до последнего не знала, он соучастник или трус.

Связь оборвалась.

Анна стояла с телефоном в руке, а Соня смотрела на нее так, будто ждала, что мать сейчас скажет: “Это ошибка. Так не бывает.”

Но Анна молчала.

Потому что уже поняла: бывает.

Все бывает, если годами позволять лжи называться семьей.

Такси подъехало через три минуты.

Всю дорогу домой Соня молчала. Только у самого подъезда сказала:

— Мам.

— Да?

— Если эта девочка жива… она ему тоже дочь?

Анна посмотрела на дом.

Где наверху ее ждали Лев и Тимур.

Где под дверью мог стоять Марк.

Где в любой момент могла появиться Вера Павловна.

— Да, — сказала она. — Если она жива, она тоже ребенок.

— А если Марк знал?

Анна не ответила.

Потому что ответ был слишком страшным.

У подъезда никого не было.

Они поднялись на лифте. Анна открыла дверь своим ключом.

В квартире было тихо.

Слишком тихо.

— Мам? — позвала Соня.

Из кухни вышла мать Анны. Лицо у нее было странное — растерянное, виноватое.

— Аня, только не волнуйся.

Эти слова всегда означали, что уже поздно.

Анна почувствовала, как сердце падает.

— Где дети?

Мать заплакала.

— Марк приходил. Он сказал, что ты разрешила. Сказал, что надо срочно отвезти Тимура к следователю… Лев сам побежал за ним, не хотел отпускать одного…

Соня вскрикнула:

— Что?!

Анна уже бежала в гостиную.

Пустой диван. Скомканный плед. Чашка воды на столе. Детская футболка на полу.

Тимура не было.

Льва тоже.

На подушке лежал листок, вырванный из Сониного старого блокнота.

Почерк Марка.

“Не бойся. Они со мной. Я их отец.”

Анна смотрела на эти слова, и страх наконец превратился во что-то другое.

В ярость.

Она достала телефон и набрала Марка.

Гудок.

Второй.

Третий.

— Аня, — ответил он устало. — Не кричи. Я все объясню.

Анна сжала листок так, что бумага порвалась.

— Если через десять минут дети не будут дома, — сказала она тихо, — я перестану быть твоей женой окончательно. И стану человеком, который уничтожит тебя.

На том конце Марк замолчал.

А потом сказал фразу, после которой у Анны похолодели руки:

— Тимур сам попросил отвезти его к матери. Мы почти на месте.

— На каком месте?

Пауза.

— У аварии.

Глава 8. Нет

Анна не помнила, как выбежала из квартиры.

Потом, когда мать будет плакать в трубку, оправдываться, говорить: “Я же не знала, Анечка, он так спокойно сказал, он же отец”, Анна не сможет ее утешить. Не сможет даже разозлиться по-настоящему. Потому что злость требует места внутри, а внутри у нее будет только одна мысль:

Лев у Марка. Тимур у Марка. Они у места аварии.

Она неслась по лестнице, не дожидаясь лифта. Соня бежала следом. На третьем этаже дочь споткнулась, ударилась плечом о стену, но тут же выпрямилась.

— Мам, стой! Ты куда?!

— За ними.

— Мы не знаем адрес!

Анна остановилась так резко, что чуть не упала.

Адрес.

Она действительно не знала, где именно нашли машину Лины. Марк сказал “у аварии” так, будто это место было очевидным. Как будто у трагедии всегда есть координаты, которые автоматически появляются у всех причастных.

Телефон в руке задрожал. Анна снова набрала Марка.

Гудки.

Один. Второй.

Он сбросил.

Она набрала еще раз.

Сбросил.

Соня дышала часто, почти со свистом.

— Он не берет?

Анна не ответила. Открыла сообщения и написала:

“Где вы?”

Ответ пришел не сразу.

Три точки появились, исчезли, снова появились.

“Не устраивай истерику. Я сам привезу их.”

Анна смотрела на экран, и в ней что-то очень тихо ломалось окончательно.

Истерика.

Дети исчезли из дома, один из них — мальчик пропавшей женщины, другой — ее младший сын, а муж, который вчера семь лет лжи вывел на сцену их годовщины, называл ее страх истерикой.

Соня прочитала через плечо.

— Я его ненавижу, — сказала она.

Не громко. Не срываясь. Так, будто просто сообщила факт.

Анна подняла глаза.

— Сейчас ненависть потом. Сейчас надо найти детей.

Она открыла чат с Кирой. Пальцы дрожали, но слова получились четкими:

“Марк забрал Тимура и моего сына. Говорит, повез их к месту аварии Лины. Где это?”

Ответа не было.

— Мам, звони в полицию, — сказала Соня.

Анна застыла.

Пол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.